

Наг Стерний

Смог над Азерой

Червивое яблоко 1

18+

Наг Стернин

**Смог над Азерой.
Червивое яблоко 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Стернин Н.

Смог над Азерой. Червивое яблоко 1 / Н. Стернин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Далекое будущее. Расселившееся по вселенной человечество охвачено Научно – биологической революцией, основа которой симбиотическая связь между человеческим сознанием и напрямую подключенным к нему компьютером, тысячекратно превышающая простое суммирование их возможностей. Люди делают стремительный скачок вперед во всех областях жизни, создают себе искусственных помощников, в которых инсталлируют собственное сознание. Перед сильными мира сего замаячила перспектива смены тел. А главное – недостижимые ранее далекие планеты вдруг становятся доступными для разграбления жадной и хищной Империей.

Содержание

Прелюдия	6
Глава первая	7
1	7
2	14
3	18
4	22
5	27
6	30
7	34
8	38
9	41
Глава вторая	45
1	45
2	51
3	55
4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

*Люди гибнут за металл... так будем же уважать
это проявление их свободной воли.
Человек Который Всегда Прав*

Прелюдия

... роскошная, сумасшедшая, безумная креси-идея, которая могла родиться только в головах настолько креативных и успешных, что перед ними бледнеют прославленные Джулии Робертс и Майклы Джексоны. Небезызвестный Шопенгауэр говаривал...

... устремим свой взгляд вниз, под землю, дабы в отличие от своих менее продвинутых соседей поселиться там в новом экологически чистом доме в счастливой уверенности, что и наши отдаленные потомки будут вести в нем прекрасную, глянцевою, гламурную жизнь, платя по счетам совершенно смешные деньги и позабывши о всяческих разных экологических заморочках ...

... никакие Фукусимы и Чернобыли, никакие радиоактивности пополам с цунами и тайфунами, ни даже заоблачная стоимость каждого метра земли в приличном мегаполисе не мешают теперь креативной и успешной личности в ее стремлении к глянцу жизни, гламуру и безоблачному счастью...

... для всех, живущих не в умозраительно-счастливом завтра, но в очень непростом и даже весьма трудном сегодня, подземные ископаемые отнюдь не пресловутая "сырьевая игла", а, напротив того, выпавший нашему поколению счастливый лотерейный билет, который и должен быть реализован, как говорят в народе, "по полной программе"...

... нам подают пример, нам указывают путь...

Программа "Экологически чистый дом"

СМИ

Интернет

Реклама

начало третьего тысячелетия новой эры.

Глава первая

1

Было десять часов тридцать две минуты по единому Имперскому времени, когда все телекоммуникационные каналы Азеры вдруг взорвались тревожной барабанной дробью.

С экранов инфоров исчезло все: личные контакты, мыльные оперы, реклама. Прервалась связь с банковскими терминалами. Даже канал “Свобода”, принадлежащий комтессе и потому независимый от Совета Координаторов, прервал трансляцию новостей – передачу, которая пользовалась популярностью отнюдь не среди одних лишь аборигенов Поверхности, но и у миллионов обитателей подземного Города. Правительство явно собиралось довести до сведения сограждан нечто, имевшее, по его мнению, чрезвычайную важность для всех азерцев.

Не только в телетаксерах жилых ячеек верхних ярусов Города, но и в самом его низу в роскошных голографрах миллионеров экраны завиртуалили множеством окон, демонстрируя согражданам Великие Свершения Прогресса и всяческие прочие Идеи и Достижения. Проходческие комбайны со скрежетом вгрызались в недра планеты, дробя в мелкие дребезги и перемалывая в пыль все на своем пути. Нестерпимо пылали лазерные лучи андроидов. По спиральным дорогам, опоясывающим гигантские провалы шахтоквартилов, с надрывным гулом ползли к поверхности перегруженные грузопоезда-рудовозы. В оставшихся за проходческими комбайнами шахтах, штольнях, туннелях и туннелинах копошились мириады людей, киборгов, автоматов и монтажных платформ – апофеоз созидания Величественного Города, апофеоз Великой Национальной Идеи, по понятиям властимущих – цель и смысл жизни ныне живущего поколения азерцев. А поперек каждого экрана каждого инфора и телетаксера скользила, вспыхивая с нестерпимой яркостью всеми цветами радуги, бегущая строка:

"Сограждане! Внимание! Внимание! Слушайте и смотрите обращение члена Совета Координаторов планеты Ольгерда Старкоффа! Внимание! Слушайте и смотрите..."

Впрочем, комтесса не была бы собою, если бы не добавила в эту бочку меда изрядное количество дегтя. Во всех коммуникаторах, подключенных к каналу “Свобода” тут же открылись дополнительные окна с пометкой “онлайн”. В этих окнах демонстрировались совсем другие картинки: Столбы разноцветных дымов и испарений, образующие над поверхностью земли отвратительный смог. Горы мусора и отходов, из-под которых кое-где выглядывают верхушки пока еще живых деревьев. Гигантские трубы, выбрасывающие в озера, реки и ручьи мерзкого цвета жидкости. Кислотные дожди, на глазах превращающие зеленые леса в торчащие из земли черные головешки. Водоемы, подернутые даже на взгляд ядовитой разноцветной пеной, забитые плавающей кверху брюхом дохлой рыбой. Животных с изъязвленной кожей и белесыми мутными глазами...

Барабанная дробь оборвалась так же внезапно и резко. Перед зрителями появилось изображение представительного мужчины лет тридцати с похоронным выражением на породистом лице. Мужчина наклонил голову, и на его висках сверкнули фасетчатые серебряные пластины симбиозных контакторов. Мужчина выдержал внушительную паузу и заговорил хорошо поставленным голосом:

– Друзья мои, братья и сестры, дорогие соотечественники, или, говоря высоким стилем, дорогие компатриоты! Я, член Совета Координаторов Азеры Ольгерд Старкофф, вынужден обратиться к вам от имени и по поручению правительства планеты с просьбой о наделении Совета чрезвычайными полномочиями.

Лицо мужчины, увеличиваясь, занимало уже весь экран, то ли усталое, то ли удачно под такое заgrimированное, но – несомненно! – лицо Руководителя, Деятеля и вполне Ответственного лица... впечатление, правда, несколько портили нервно облизываемые губы.

– Решение потребовать чрезвычайных полномочий далось Совету нелегко. Оно стоило Координаторам бессонных ночей и седых волос. Однако, что же делать, если все усилия правительства, направленные на благо народа, разбиваются вдребезги о твердолобую и бескомпромиссную позицию Старой Дамы. Госпожа комтесса не оставляет Совету Координаторов другого выхода.

Целые столетия мы, азерцы, ютившиеся на задворках обитаемого мира, влачили жалкое существование и были лишены естественных благ цивилизации. Но научно-биологическая революция, великая НБР, символом которой стали височные симбиозные контакторы, а содержанием – прямое включение компьютеров в работу человеческого мозга, открыло перед Азерой новые, я бы сказал, головокружительные перспективы. Да, мы могли бы теперь приобщиться ко всем благам цивилизации Старых Миров.

Могли бы...

Старкофф выдержал внушительную паузу.

– Я не случайно делаю упор на этом самом пресловутом "бы". На Азере нашлись силы, причем весьма влиятельные и даже могущественные, которым не по нутру оказалось идти в ногу с нашей эпохой – эпохой Прогресса и Достижений.

Давайте немного вспомним историю.

Для Азеры эпохальными являются две даты, и обе они связаны с появлением в окрестностях планетной системы Сола космических кораблей.

Первое из этих судьбоносных свершений произошло столетия назад. Безвестный дотолем капитан-командор патрульной службы Айвен Азерски или, говоря вульгарно, Азерский Иван, то ли преследуя какого-то пирата, то ли, напротив, сам от этого "кого-то", так сказать, со всех ног улепетывая, совершенно случайно натолкнулся на звезду с планетами, пригодными для обитания человека. А вот второе произошло буквально на наших глазах. Впервые в истории не тихоходное суденышко на фотонной тяге, а могучий конвертоплан Объединенных Компаний, с фантастической точностью произвел конвертирование пространства – НБР есть НБР – и в мгновение ока перенесся из окрестностей столицы Империи, образно говоря, прямо к нашему столу. Благодаря первой эпохальной дате мы можем жить на Азере. Благодаря второй... благодаря второй могли бы жить хорошо. Ибо, как гласит пришедшая к нам из глубины веков народная мудрость, "жить – хорошо, а хорошо жить еще лучше!"

С тех пор, как височные контакторы напрямую соединили человеческий мозг с компьютером и тысячекратно увеличили мощь человеческого разума, точность космической навигации поднялась на необыкновенную высоту. Гигантские конвертопланы, путь которым в места высокой концентрации материальных тел, вроде нашего рукава галактики, раньше был заказан, стали заурядным явлением в окрестностях Азеры и второй обитаемой планеты нашей звездной системы, Райны. Тогда-то и забрезжила перед всеми нами Великая Мечта – строительство Города в недрах своей планеты по образу и подобию подземных Городов, построенных в более счастливых звездных мирах. Мы сделали свой выбор и решили строить, тем более что за строительство с нас не требовали ни единого солера. Расплачиваемся мы, как известно, той дрянью, которую извлекаем из земли при рытье городских шахт. Райане, которые все еще не могут забыть своего колониального прошлого, отказались от Города скорее в пику нам, своей бывшей метрополии, чем из каких-либо практических соображений. Хотя сегодня, конечно же, чуть ли не поголовно все политические руководители Райны вдруг заделались "зелеными демократами" и во все горло верещат о сохранении естественной среды обитания.

Разумеется, пресловутая "естественная среда обитания" для человечества есть не что иное, как памперсы для младенца. В нежном возрасте памперсы, естественно, необходимы,

но человек в расцвете сил, согласитесь, смотрелся бы в них глупо. Ах, звезды с ними, с райанами, вместе с их ненавистью к Азере. Нам нет до них дела. Хотят жить в свинстве, пусть живут. Но с какой стати, дорогие соотечественники, мы с вами должны жить в этом самом свинстве, исходя из прихоти отдельных людей? Даже если их возглавляет ныне здравствующая комтесса, называемая в народе Старой Дамой, причем, как утверждают компетентные лица, это прозвище прилипло к ней с самой ранней молодости, – Старкофф ехидно сморщился, подмигнул и продолжил:

– Старая Дама, пользуясь своим старинным родовым правом налагать вето на решение Совета Координаторов, всячески препятствует строительству Города. Нельзя строить обогатительные заводы, поскольку их отходы ядовиты. Нельзя выпускать в атмосферу газы. Нельзя сваливать на поверхность пустую породу. Но, скажите на милость, куда же девать то, что не интересует Компании? В конце концов, все Старые Миры прошли этот путь.

Решение о строительстве Города в недрах нашей родной планеты было принято референдумом, то есть, самым демократическим на свете путем. Многие из вас в нем участвовали... или могли бы участвовать, прояви они добрую волю. Подавляющее большинство участников высказалось за приобщение к благам цивилизации и выразило благодарность Объединенным Компаниям за цивилизаторскую миссию, проявленную инициативу и предложенную помощь. Почему госпожа комтесса, которой по закону полагается быть гарантом конституции, позволяет себе игнорировать народную волю? Решение сложить с себя титул вице-королей, отказаться от самодержавной формы правления, даровать народу конституцию и передать всю полноту исполнительной власти Совету Координаторов, сделав этот орган выборным, было принято родом Азерских еще во времена Первой Империи, задолго до всяческих революций и переворотов... что и позволило Азере счастливо избежать ужасов гражданских войн, уже дважды топивших в крови вселенную человека. Вот с этих предков и стоило бы брать пример госпоже комтессе, если она действительно озабочена судьбой своей планеты.

Таким образом, первое вето Старой Дамы, наложенное ею на саму идею строительства Города в недрах планеты, было преодолено именно референдумом. Повторяю, это был всенародный выбор. Однако госпожа комтесса не признала его под надуманными предлогами и не пожелала склониться перед волей народа. Она начала планомерную войну против строительства, не брезгуя при этом никакими средствами. Она не только накладывает свое вето на любое решение Совета, относящееся к Городу, но и вообще вредит, как может.

Последнее вето, наложенное ею не далее, как вчера, касается присвоения прав гражданства иммигрантам из Старых Миров, которые прибывают к нам для помощи в строительстве. Эти люди отнюдь не являются, как она утверждает, люмпенами, бомжами и отбросами общества, от которых в Старых Мирах, якобы, всячески мечтают избавиться. Среди них много специалистов, встречаются даже дипломированные. Требовать временного ценза, в течение которого люмпы... то есть, простите за оговорку, люмпены... то есть... э-э... словом, которые должны, якобы, доказать своим примерным поведением, что достойны стать нашими компатриотами и все такое... в сущности, это просто глупо. А кто, скажите на милость, будет жить на верхних уровнях Города и заниматься неквалифицированным трудом? Кто будет работать на гидропонных фермах и биохимических заводах? Об этом подумала ли Старая Дама? Совет Координаторов в своей заботе о благе народа желает, чтобы все коренные азерцы жили в городских кварталах не выше третьего уровня. И именно для этого нам нужен приток малоквалифицированной рабочей силы, приток гастарбайтеров, которые... Что касается криминальной ситуации, то Азера вправе гордиться своими силами санации, способными поддерживать и поддерживающими идеальный порядок, как в тоннелях подземного города, так и на поверхности планеты. И уж кто-кто, а Старая Дама должна бы помалкивать, как в народе говорят, "в тряпочку", когда речь заходит о преступлениях. Давайте-ка вспомним о ее отношении к преступлениям куда более опасным, чем мелкое хулиганство в тоннелях Города. Возьмем, к примеру,

чудовищное преступление, совершенное знаменитой хакершей Аной Стеклофф, которая Ана совсем не относится к приезжим люмпам... тьфу, людям, а коренная азерка, кстати сказать.

Эта мерзавка Ана Стеклофф умудрилась взломать компьютерную сеть Центробанка и украсть со счетов самой же Старой Дамы чудовищную сумму... я просто не решаюсь произнести вслух, сколько именно... достаточно сказать, что этой суммы – представьте себе! – хватило на вживление воровке симбиозных контакторов, да еще и никелевых. Ввиду особой опасности и дерзости преступления, а также чтобы другим было неповадно, суд приговорил Ану Стеклофф к смертной казни. Но и на это решение Старая Дама наложила вето. Она, видите ли, хоть и является пострадавшей стороной, но проявляет "гуманизму" и, вообще, против смертной казни! Ради абстрактных так называемых "людских воззрений"... или как их там... ах, да, "общечеловеческих ценностей" не только сама Старая Дама, но и все зеленые демократические "общечеловеки" с легкостью необыкновенной пренебрегают фундаментальными устоями человеческого общества. На этом фоне ее "озабоченность" криминальной ситуацией из-за шалостей приезжих люмпенов выглядит, согласитесь, странно. Популярности дешевой ищет Старая Дама среди отбросов общества – вот и все объяснение ее странному гуманизму.

Однако, как уже было мною сказано, Старая Дама отнюдь не ограничивается только вето. В принадлежащих ей землях она запретила рыть шахты и сбрасывать отходы. Она не позволяет прокладывать межшахтных дорог по поверхности. И, уж конечно, запрещает сооружение подземных соединительных коммуникаций и туннелей, без которых сама идея Города не может быть реализована. А ее владения на планете огромны, судари мои, даже без учета гигантских приобретений последнего времени. Вследствие этого, Объединенные Компании заметно теряют к нам интерес. Совет неоднократно обращался к Старой Даме с предложением встретиться и обсудить возникшие разногласия, но всегда наталкивался на резко негативную реакцию.

В правительство приходят тревожные сообщения о том, что Родовое Гнездо комтессы, так называемая "Долина предков", превращено в настоящую крепость. Туда собираются все отбросы общества, включая дезертиров из вооруженных сил Империи, вроде ее главного военного советника Айно, знаменитого Черного барона... которого Айно Империя объявила в общегалактический розыск, и требует теперь его выдачи от нас, между прочим. Слава звездам, нашим компетентным органам удалось его арестовать, и выдача преступника имперской санации будет проведена в самое ближайшее время.

Эти изгои общества получают у Старой Дамы не только приют, но и защиту от правосудия, деньги, оружие. Кстати сказать, службы имперской санации сообщают, что в нашем секторе галактики стали пропадать грузовые конвертопланы. В том числе и с сырьем, добытым при строительстве шахт, которым мы расплачиваемся с Объединенными Компаниями. Не за красивые же глаза нам предоставляется оборудование для строительства и столичные товары – все, чем мы украшаем свою жизнь вплоть до телетаксерных сериалов, в конце концов! Если так пойдет и дальше, вам, дорогие друзья, придется распрощаться с надеждой узнать, как освободится от подставленной ему ловушки Макс Гронкс из сериала "Пауки вселенной", или соединятся ли, наконец, сердца ваших любимцев Ниты и Бамбиты из "Пагоды снов". Вот так. Но главный вопрос, который невольно возникает – что это за таинственные пираты тут у нас вдруг объявились?

Айвен Азерски был везунчиком и за свою долгую жизнь умудрился много всякого-разного понасотворить. Недаром на Райне его до сих пор называют старым пиратом. Не будем забывать, кстати, что именно ему принадлежит сомнительная честь открытия Рибартона, планеты, под завязку набитой инглием... который и есть редкий элемент, без которого НБР... не может, одним словом. Но этот Рибартон, оказался самая чудовищная и страшная планета вселенной, так сказать, "по совместительству"! Все вы, конечно, знаете, что два года назад там погибла прекрасно оснащенная экспедиция Объединенных Компаний, сопровождаемая и

гвардией Компаний, и боевым космофлотом. Экспедиция была посланная для освоения залежей инглания, но – увы – встретила там свой конец. Сколько кораблей ржавеет сейчас на его поверхности! Сколько людей нашло там свою могилу! А вот с этого самого Ваньки Азерского и Рибартон как с гуся вода! Он не только шлялся по всему Рибартону, но и умудрился с него вернуться целым и невредимым, чтобы даже из могилы руками своих наследников издеваться над нами. Между прочим, Азера – вторая после Рибартона планета вселенной по содержанию инглания, без которого симбиозных контакторов не сделать. Если еще учесть, что планеты, на которых возможна его добыча в промышленных масштабах, можно пересчитать по пальцам, а единственное разведанное у нас большое месторождение находится во владениях Старой Дамы, удивительно ли, что Компании чувствуют себя весьма разочарованными, господа?

Вполне естественно, что в народе зреет недовольство. Возникают подпольные общества, по агентурным данным служб санации, прекрасно вооруженные, которые общества... как бы сказать... словам, грозят разобраться со Старой Дамой своими средствами. Все это отнюдь не обещает Азере спокойной жизни и процветания.

Мы уважаем память Айвена Азерски, чтим, пусть и случайно, но честно заслуженный им высочайший титул комта Первой Империи и все прерогативы, с этим титулом связанные. В том числе и право его потомков на вето. Однако если действия нынешней главы клана Азерски лишены рационального смысла, если по сути своей они направлены против ясно выраженной воли народа, Совет просто обязан провести референдум о приостановке действия права вето и наделения себя чрезвычайными полномочиями вплоть до права нейтрализации комтессы в связи с ее антинародной деятельностью. В конце концов, это наше конституционное право.

Дорогие компатриоты! Совет Координаторов очень беспокоит создавшееся положение. Во избежание предсказываемых службами санации беспорядков и возможного кровопролития, для утверждения верховного суверенитета народа Азеры над своей планетой, Совет предлагает всем гражданам недвусмысленно высказать свою волю. Голосование можно начинать немедленно через терминалы Центрального банка. И пусть госпожа комтесса сколько угодно кричит о подтасовках. Истинность результатов голосования подтверждается высокой репутацией банковских служащих. Старой Даме придется склонить свою чрезмерно чванливую голову перед волей Планеты.

Общепланетное благо, наше с вами гламурное будущее и глянцева жизнь, вот что является единственной целью заботливого и мудрого азерского Совета Координаторов и бескорыстной Экономической комиссии. Их героические старания к, так сказать, народному благу все вы только что видели на своих экранах. А теперь смотрите сюда.

Координатор Старкофф эффектно вздернул вверх правую руку со сжатой в кулак ладонью, потом медленно оттопырил большой палец и ткнул им себе за спину, где на экране тотчас же возникла картина ночного неба Азеры.

– Посмотрите на свои экраны, друзья. Телетакс-операторам представилась сегодня редкая и счастливая возможность продемонстрировать вам в режиме реального времени добросовестный труд добросовестных и честных Объединенных Компаний Империи. Этот труд тоже направлен на наше с вами благо. На ваших экранах ночное небо Азеры!

Посмотреть, и в самом деле, было на что. Ночное небо над Азерой представляло собой зрелище феерическое и, пожалуй что, несколько жутковатое.

Любой человек, будь он даже профессиональным астрономом, напрасно стал бы выискивать на нем привычный рисунок звездной карты. Даже тренированному взгляду пилота там не за что было бы зацепиться. В небе над Азерой полыхал непрерывный звездный фейерверк, отчетливо различимый и на соседней Райне, причем безо всяких там телескопов и прочих заумных прибабасов, которыми обыкновенно орудуют яйцеголовые ученые премудростей.

Вокруг планеты одновременно кружили мириады грузовых конвертопланов Объединенных Компаний, выглядевших на экранах ослепительно яркими небесными телами – вроде пресловутой земной луны или нашей Селены – с размерами от вишенки до мяча для игры в вунш. Сотни и сотни их, загрузившись добычей, стартовали к Старым Мирам, а на их место немедленно конвертировались новые. Каждое конвертирование, и само по себе, и из-за сопровождавших его гравитационных линз, вызывало на небосводе эффект "звездного танца". А когда конвертопланы, готовясь к погрузке, включали режим трансформера, на небе начинались вещи уж и вовсе поразительные. Первая фаза трансформации конвертоплана – деление на сегменты – воспринималась как взрыв такой "луны", осколки которой как бы разлетались во все стороны на манер фейерверка. Вторая фаза – секционирование и трансформация сегментов в посадочные модули более всего походила на картинку во вращающемся калейдоскопе, каждая составная деталька которого представляла собой такой же калейдоскоп, только меньшего размера и вращающийся в обратную сторону. А заканчивалось все это удивительной красоты кометным дождем, когда сформировавшиеся посадочные модули разом падали с орбиты на поверхность планеты, чтобы, загрузившись добычей, снова взлететь на орбиту и пройти процесс обратной трансформации – по оптическим эффектам такое немислимое, казалось бы, явление как обратное схлопывание горящего фейерверка. Взрывающиеся в небо каплевидные кометки роились, вращаясь в обратном калейдоскопе, увеличивались в размерах и, снова слившись в луну, исчезали вдруг во взрывном танце созвездий.

Вдоволь налюбовавшись этой картиной, Координатор в приветственном жесте вздел вверх руки.

– Да здравствует народ Азеры! Да свершится воля его!

Снова ударили барабаны. Координатор исчез с экранов, а на смену ему операторы запустили только что завезенный танкером Объединенных компаний клип – по слухам, последний писк столичной моды – группа лабухов "Оушен рапанус" с большим подъемом фьютила разухабистый шлягер "Завтрак на халяву".

Начинался, казалось бы, обычный день. Но, наверное, не было на Азере ни одного человека, который бы не понимал, что только что прозвучало формальное объявление войны. Причем нападающая сторона недвусмысленно обозначила и способы ее ведения.

Да, ночное небо Азеры представляло собой ни с чем несравнимое прекрасное зрелище. Вот только увидеть его воочию смогли бы только водители грузопоездов, если бы как-то умудрились выделить для этого время. На поверхности практически не осталось жителей. Разве что, уж совершенно запредельные упрямы. Да и "водилам" было не до ночных красот. В окружающем их хаосе и раздразе надо было провести грузопоезд к "своему" модулю, ухитрившись при этом не вляпаться под выхлоп сажающегося "чужого", а сигнал этого "своего" надо было отловить – та еще задача, если учесть, что творилось в эфире.

Посадочные модули валились на поверхность планеты непрерывным дождем, причем на космодром садились почти исключительно челноки с людьми. Грузовые автоматы плюхались прямо на землю и снова включали режим трансформера, раскладываясь в сюрреалистические устройства, более всего напоминающие огромных морских звезд или осьминогов. По щупальцам на поверхность с центральных грузовых платформ модулей сползали составы порожняка, на их место, надсадно урча, вползали грузопоезда с добытым в недрах планеты сырьем. Когда платформы полностью заполнялись, начиналась их обратная трансформация во взлетный модуль. Водители грузопоездов деловито гнали порожняк к входным порталам шахт. Навстречу им из шахтных шлюзов с гнусным чмоканьем одна за другой выскальзывали под завязку загруженные платформы новых грузопоездов. И ни одна живая душа в Компаниях ничуть не озабочивалась тем, что после взлета модуля на месте его посадки оставалась спекшаяся до окаменелости радиоактивная земля. Все равно людям на поверхности не жить.

Этот кавардак катился по всей планете. Но особо оживленным он был вдоль русла реки Пульсарки, там, где она протекала вдоль Долины Предков. Именно тут, под боком у Старой Дамы и ей же назло, были заложены целых два шахтоквартала будущего Города – подальше Центральный, а Северный тут же, рядом, правда, на противоположном от ее резиденции берегу.

Суперкарго конвертопланов, ответственным за взлет – посадку грузомодулей, работать приходилось с точностью воистину ювелирной, сжигая мириады нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются, господа! Все дело было в совершенной непредсказуемости Старой Дамы. То есть, как раз наоборот, полной предсказуемости, но зато совершенной неуправляемости. Не дай бог какому-нибудь грузомодулю нарушить воздушное пространство Долины Предков. Она его сшибет, не задумываясь. Да еще ведь не на спуске сшибет, на взлете, благо у грузомодулей траектории спуска-подъема совпадают абсолютно. А кому отвечать за модуль и груз?

Миллионы тонн ядовитых отходов заваливали некогда цветущие земли. Миллионы кубометров ядовитых газов выбрасывались в атмосферу. Вокруг бушевали радиоактивные бури и шли кислотные дожди.

Жизнь на одной из красивейших планет галактики была обречена... Вот только Старая Дама... Она, похоже, совсем не была согласна с этим мириться. Да и одна ли она?

2

Лайза Старкофф не колебалась ни секунды. Предложение, сделанное ей Человеком, Который Всегда Прав, было ошеломительно, грандиозно, и... бог мой, увидеть бы чудака, способного от такого предложения отказаться.

На поверхности было позднее утро. И хотя в Городе, по крайней мере, на нижних уровнях, ничто не заставляло человека придерживаться суточного циклирования времени, что хорошо для молодежи, не вполне приемлемо для человека, в ее, увы, совсем не юном возрасте. И нечего тыкать ей в нос Старую Даму. Сын прав. Сестричка была Старой Дамой всегда. Даже, помнится, в детстве.

Лайза была твердо намерена уложиться в отведенное ей для сборов время. Бедняга парикмахер был уже во второй раз взащей выставлен из кабинет-будуара. Но, похоже, ее милые детки держали под самым тщательным контролем каждый шаг своей мамаша.

– Мама! – завопил Ольгерд, старший и посему наглейший из ее детей, врываясь в будуар, – Куда это ты намылилась? Что за дела! Здесь драка в самом разгаре. Завтра Большой Совет. Речь идет уже о вооруженном столкновении, а ты все бросаешь и летишь, черт знает куда и зачем. Что это за таинственные фантом-контакты?

– А вот это, мальчик мой, не твое дело, – отрезала Лайза.

Сын, потерял от злости всякую осторожность.

– Ты со своими хахалямипустишь весь род по миру. Сколько тебе лет? Это же, в конце концов, просто неприлично. Тебе мало безусых альфонсов здесь, на Азере, тебе уже подавай импортных, так что ли? Мама, не вынуждай нас прибегать к крайним мерам!

– А не хочешь ли ты, мерзавец, чтобы я сама прибегла к крутым мерам? – заорала Лайза, топая в ярости ногами. – Я пока еще вполне самостоятельна и дееспособна. Хотя кое-кто спит и видит... Не думай, что я не знаю, какие разговорчики ведут мои милые детки у меня за спиной. И с кем. Так вот, скорее я лишу всех вас наследства, чем вы установите надо мною опеку. Вам всем следует помнить о судьбе наследничков Старой Дамы, мой дорогой.

– Эта Старая Дамана добрый десяток лет моложе тебя, но как-то обходится без хахалей!

– Убирайся вон!

Красный от злости сын стукнул кулаком по раскрытой ладони и выскочил за дверь. Лайза приказала немедленно собирать себя в дорогу и еще раз подивилась чудовищным возможностям Человека, Который Всегда Прав. С таким прикрытием она может не бояться не только своих нетерпеливых детей, но и вообще ничего на свете.

Фантом-контакт с НИМ оказался для Лайзы полной неожиданностью.

Лайза сидела перед своим голографическим изображением и придирчиво рассматривала укладку локонов на затылке. Бледный от страха парикмахер готов был сделать все, как она прикажет, но Лайза вовсе не была так уж уверена в своей правоте и брюзжала скорее для порядка и остратки. Она придирчиво тыкала пальцем в только ей одной заметный дефект прически, когда изображение вдруг исчезло.

– В чем дело? – свирепо сказала Лайза и тут же с изумлением обнаружила, что компьютер отключен. Этого просто не могло быть. Домашние компьютеры не выключались никогда, они просто не умели выключаться. Она повернулась к парикмахеру. Парикмахер, выпучив глаза, смотрел в угол на бак фантоматора. Несмотря на неработающий компьютер, фантоматор был включен!

Когда Лайза поняла, кто вступает с нею в фантом-контакт, она стремительно вскочила и чуть ли не взащей вытолкала парикмахера из кабинет-будуара. Между тем, фантом удобно разместил свое псевдотело в единственном в будуаре мягком кресле. Это было ее собственное

кресло, садиться в которое даже в отсутствии Лайзы не смел никто. Потом фантом улыбнулся ей и сказал, благосклонно указывая рукой на один из стульев:

– Садись, Лайза.

Лайза присела на самый кончик стула. Она даже не пыталась устроиться поудобнее. Кому-кому, а ей-то было доподлинно известно, что это абсолютно бесполезно. Она и дизайн этих стульев заказывала именно исходя из принципа максимального неудобства для окружающих. Лайза любила смотреть, как люди ерзают на сиденьях, пытаясь устроиться хотя бы с минимальным комфортом. В конце концов, когда в твоих руках сосредоточены такие деньги и такая власть, ты можешь позволить себе невинные развлечения.

– Счастлив видеть тебя, – продолжал Он. – Ты изменилась гораздо меньше, чем я ожидал. Это радует. Как дети? Впрочем, можешь не отвечать. Я только что с большим интересом прослушал речь твоего первенца.

Лайза пожала плечами и криво усмехнулась. Она тоже имела счастье лицезреть первое публичное выступление своего отпрыска.

– Дурак, – буркнула она. – Его подставили, а он и рад покрасоваться на экранах... кретин. Небось, никто другой из Совета не взял на себя эту пикантную обязанность – объявлять Старой Даме открытую войну.

– Грозный противник? – усмехнулся фантом.

– У нее куча сторонников. Жуткие фанатики и... вообще. Если завтра кто-нибудь замочит Ольгерда, я не буду удивлена.

Фантом знакомым движением картинно вздернул левую бровь.

– Замочит?

– Ай, да какая разница – замочит, пристукнет, убьет, прищучит, – досадливо сморщилась Лайза. – Чего опять зазря придираешься к словам?

– Не "ззря". Просто "зря". Ну а в смелости твоему сыну не откажешь. Решился же он на вживление симбиозных контакторов. В его-то возрасте.

– Какие контакторы, бог с тобой. Это имитаторы. Они не присоединены к мозгу, а просто вшиты под кожу. Да и зачем бы они ему понадобились? Ольгерд бездарен, туп, глуп, ничего не знает, не понимает, и степень докторскую получили за него мои деньги. Если бы он и присоединил компьютер к своей голове, то не знал бы, что с ним делать из-за отсутствия в оной мозга.

Фантом рассмеялся.

– Вот уж воистину нелицеприятная характеристика. И все же, ты не права. Нам трудно с этим примириться, но факт есть факт. Мир меняется на глазах. Внутри человечества рождается раса новых господ. Человек Оконтаторенный потихоньку становится господином положения, и тот день, когда он превратится в господина по положению, увы, совсем не за горами.

– Ну, пока денежки в наших руках. Так что оконтаторенные они или нет, а быть им нашими сервами.

– Уверяю тебя, это ненадолго. Мы неконкурентоспособны. Что можем мы сделать, если у них готово идеальное решение проблемы прежде, чем мы сумеем осознать, что она перед нами стоит, эта самая проблема. Так что меня не удивляют люди, которые решаются на операцию в зрелом возрасте, хоть это и смертельно опасно. Оконтаторенным не нужны юристы, техники, всяческие узкие специалисты и посредники. Все необходимые знания есть в компьютере. Чтобы получить к ним доступ, достаточно надвинуть сенсоры на контакторы. А дальше мозг сам возьмет из компьютера все, что ему потребуется для работы.

– Может быть, может быть, не знаю, тебе видней. Но мой Ольгерд – просто пижон и дурак, это, увы, медицинский факт. Не понимаю, как я могла произвести на свет подобного кретина. А все потому, что ты не захотел в свое время, чтобы мне иметь детей от тебя.

По лицу фантома бродила снисходительная всепонимающая улыбка.

– Что делать, Лайза, отпрыски опереются, растут, и приходит время, когда нам, старикам, становится все труднее удерживать их в стороне от родительского пирога. Я полагаю, дети этой самой Старой Дамы тоже поборники... э-э-э... прогресса и достижений?

– У нее нет детей, только наследники. Что же касается моего пирога, – Лайза злобно перекосилась, – то да, ты прав. Мои детки еще как скалят на него зубы.

– Ну и пусть их. Полагаю, ты их сможешь несколько разочаровать. Перейдем к делу. Ты много раз говорила мне, что готова отдать за молодость все, даже бессмертную душу, буде она у тебя вдруг неожиданно оказалась бы. Собирайся. Я, видишь ли, финансировал кое-какие исследования в нужном направлении. Мечтаю увидеть тебя снова юной и прекрасной.

– Боже мой! Как это?.. Что ты такое говоришь?

– У тебя слишком мало времени. Подробности потом. Земля, как ты знаешь, находится очень далеко отсюда, а послезавтра... э-э... словом, тебя уже дожидается операционный стол и новое молодое донорское тело... а вот оно долго ждать не может. Твое сознание надо еще записать в фант, а это тоже займет некоторое время даже на аппаратуре моих лабораторий. На твоих висках, увы, нет контакторов... Ничего, скоро они у тебя будут. Это радует. На поверхности Азеры находится моя яхта. Она доставит тебя ко мне.

– Ты шутишь, – сказала Лайза разочарованно. – Самый мощный конвертоплан не доберется до Земли за такой срок.

– Если ты действительно хочешь снова стать молодой, не теряй времени, – терпеливо сказал фантом. – Лучшие специалисты Корпуса Пространщиков, в том числе, если я не ошибаюсь, и один твой близкий родственник... э-э... конвертировали сейчас огромные пространства только для того, чтобы я смог перебросить тебя к себе за час вместо месяца. Официально они, естественно, заняты важнейшими научными экспериментами по управляемой аннигиляции... ну, не важно. А важно вот что. Тебе придется сбросить с себя эту изношенную телесную оболочку. У тебя будет чужое лицо. Чужое, непривычное тело. Ты будешь инсталлирована в это тело, но не думай, что просто твое записанное электронными символами сознание вселится в него как в новую квартиру. Это тело жило. Оно тоже будет предъявлять на тебя свои права. В нем, к тому же, кое-что будет биомеханическим.

– Молодость... – сказала Лайза мечтательно. – Ты полагаешь, я буду колебаться? Кстати, ты обещал мне помочь разрешить одну проблему. Юридического плана.

Он рассмеялся.

– Детки? Не бери в голову. Это, я же сказал тебе, мы утрясем.

– Да, – спохватилась вдруг Лайза. – А имя? Какое имя я буду носить?.. Впрочем, ты прав, потом, потом. Не будем терять драгоценного времени. Через час я буду на яхте.

Перед тем как прервать контакт, фантом спросил:

– Послушай, эта Старая Дама... у нее ведь есть какое-то имя?

– Естественно. Калерия Азерски. Но так ее никто не зовет. Старая Дама, и все. Вообще-то, она урожденная Старкофф и моя двоюродная сестра. А замужество с комтом ударило ей в нос, как шампанское, так что теперь она "госпожа комтесса" и больше Азерски, чем все прочие члены их клана вместе взятые.

– Старая Дама, – задумчиво сказал фантом. – Любопытно. Во многих древних культурах Земли это эвфемизм смерти.

– Эфе... чего-чего?

– Эвфемизм. Это... э-э... когда люди почему-то не хотят называть что-нибудь прямо, они придумывают этому названию некую словесную замену.

– Так вот, этот твой "изм" тут вовсе ни при чем. Она просто старая гнусная карга и ведьма, всегда была старой гнусной каргой и ведьмой, не понимаю, как это в нашем роду могла такая появиться, и вообще, не отвлекай меня, мне надо спешить... Кстати, я навещу тебя потом, после всего, там, в твоём поместье на Земле, ага?

Конечно. Буду рад. Только у меня теперь нет уже прежнего блеска, всего того, что так тебе нравилось – гостей, слуг в истинном теле, даже фантомов, только роботы и киборги. Все меняется. Изменился и я. Причем, ты даже не представляешь себе насколько.

На яхте Лайза оказалась через два часа. Уйму времени отнял у нее скандал с сыном. А еще через несколько часов, уже в земной лаборатории, так и не повидавшись со своим покровителем в истинном теле, она попала в руки весьма расторопных людей. От их энергии и распорядительности кружилась голова, и наступало состояние некоторой оторопелости. Это были идеальные слуги. Сколько она помнила, ЕМУ служили так всегда.

3

Компьютер что-то сказал, но она его не слышала. Она сидела, закрыв глаза и вцепившись пальцами в подлокотники кресла. А снизу, изнутри, истошным воплем рвался наружу ужас, и его надо было ломать, давить, точно так же, как она всегда ломала и давила любые свои эмоции. Восемнадцать дней... Кончалась жизнь, отданная тому, что она понимала как свой долг. Ее ли вина, что на плечи, хрупкие и по женским меркам, пришлось взвалить груз, неподъемный даже для мужчин.

Компьютер резко загудел, требуя внимания.

– Что тебе? – спросила Старая Дама, не открывая глаз.

"Какие будут указания по завещанию?" – спросил компьютер.

– Потом.

"Ваше сердце могло остановиться еще позавчера, – возразил компьютер. – Восемнадцать дней – максимальный срок. Практически он недостижим. Внештатная эмоция может убить Вас в любую минуту. А надо еще успеть скачать в мою память новую запись Вашего сознания. Может понадобиться фантом, я же располагаю лишь сильно устаревшим фантом. Вы сильно рискуете, мадам".

– Заткнись, – сказала Старая Дама, и компьютер, обиженно пискнув, умолк.

Не верить компьютеру у Старой Дамы не имелось ни малейших оснований. При каждом обследовании он показывал, как угрожающе накапливаются в ее теле необратимые изменения. Но противостояние как раз теперь вошло в критическую фазу. Подготовка Долины Предков к обороне поглощала все время и все силы. В сутолоке дел, требовавших личного и неотложного вмешательства, Старая Дама была вынуждена пренебречь несколькими сеансами медицинского обследования. И вот результат. Смерть, которую она ждала, и с которой, казалось бы, давно смирилась, все равно подкралась неожиданно.

– Мы окончательно потеряли контроль над банком? – спросила она, и компьютер немедленно отозвался. "Да – сказал он, – контрольный пакет сейчас в руках семейств Старкофф и Бюллер".

– Состояние наших счетов на сегодня?

"Если не считать тайных резервных фондов, самое плачевное. Все деньги вложены в земли на поверхности. Доход с них в нынешних условиях равен нулю. Внепланетных поступлений едва хватает на приобретение оружия".

– Ты полагаешь, что мы только что выслушали формальное объявление войны?

"Совету не остается ничего другого. Дело не в том, что вето перечеркивает планы Объединенных компаний. Совет, как видите, будет пробовать вновь преодолеть его при помощи референдума. Но Компании все равно не имеют возможности развернуть полномасштабную добычу сырья, пока земли семейства Азерских находятся в Ваших руках. Им необходима Ваша смерть, мадам".

– Твой прогноз на этот случай?

"Первое. Наследников возглавит Вэл Азерский. Это самая сильная личность в клане изо всех, что против вас. Не обольщайтесь, большинство его поддержит, хотя кое-кто и скрепя сердце. Они побоятся опоздать к дележке пирога. Вэл немедленно снимет запрет на продажу земли, по крайней мере, под межшахтные коммуникации. Второе. Опираясь на полученный при этом капитал, он попытается вернуть контроль над банком. Третье. Почти все наследники до единого развернут строительство шахт на своих территориях и в течение двух – трех лет приберут к рукам большую часть экспорта сырья. Четвертое. Совместно с Старкоффами и Бюллерами попытаются подмять под себя иммиграцию в Город из перенаселенных Старых

Миров. По моим расчетам, им удастся сосредоточить в своих руках не менее пятнадцати процентов акций Города".

– А одна из прекраснейших планет вселенной погибнет.

"В каком-то смысле – да, – согласился компьютер. – Но, как говорили древние, цель оправдывает средства. Весь инглий планеты принадлежит Азерски. Ваши наследники к концу строительства Города смогут реально претендовать на вхождение в элиту элит – чуть ли не в первую тысячу богатейших семей Империи".

– Логично... ну а если наследник после моей смерти продолжит борьбу? Каковы его шансы?

"Вы говорите о Малыше, мадам?"

– Неважно о ком я говорю, – сварливо перебила компьютер Старая Дама. – Ишь ты, психолог. Стоит человеку однажды записать фант со своего сознания в память какого-нибудь ржавого калькулятора, как тот тут же воображает себя личностью.

"Я не калькулятор. Я сетевой компьютер. А личность – это нечто обособленное по определению. Мы, компьютеры, к этому не стремимся. Наоборот, нам нравится работать в контакте, хотя бы и в компьютерной сети. Конечно, я особенно охотно работаю с фантомом, поскольку компьютерам доступно только логическое и недоступно интуитивное мышление. Интуиция – свойство только органического мозга. Слиться с человеком в неразрывное целое – означает получить большое удовлетворение. От одной мысли об этом начинают трещать контакты, и сбивается тактовая частота. Но Вы так редко используете свой фантом, мадам, а для меня это единственная возможность. Жаль, что у Вас нет височных контакторов, как у Малыша".

– Ах ты, чертова консервная банка, – заорала Старая Дама, – отвечай на вопрос, или я буду работать с тобой только с клавиатуры!

"Я все посчитал, мадам, – поспешно сказал компьютер. – Но расчеты приблизительны, поскольку вероятный наследник обладает особыми способностями, не поддающимися учету".

Старая Дама поморщилась, но промолчала.

"По моим расчетам, – продолжал компьютер, – вероятность сохранения жизни составляет для него около тридцати процентов. Двадцать восемь целых и семь десятых, если быть точным. Вы сидите в Долине как в крепости. Вы практически недоступны для убийц. Наследнику же придется сначала пробраться из Старых Миров сюда, в Гнездо, что само по себе нелегкая задача. А потом спуститься в Город, чтобы вступить в права наследства. Причем родственники обязательно опротестуют завещание. Юридические вопросы о наследстве такого размера решаются в присутствии заинтересованных сторон только в истинном теле. Фантом-контакты не допускаются. Так что возможностей для организации покушения будет сколько угодно. Слишком большие деньги на кону. Причем не только Ваши, и даже не только планетные".

– Как я понимаю, есть возможность уменьшить риск. Для этого нужно, чтобы наследник еще при моей жизни стал совладельцем и полноправным комтом, не так ли?

"Да, – согласился компьютер. – В этом случае процедура существенно упрощается. Вам достаточно соответствующим образом оформить свои распоряжения. Но как это сделать? По существующему законодательству, это распоряжение может быть введено в межзвездную компьютерную сеть только через компьютер Центрального банка. Связь с ним и выход в ИНТЕР-СТАРНЕТ находится под контролем Совета Координаторов. Так или иначе, Малышу все равно придется спускаться в Город. Там можно войти в банковский компьютер и через него в старнет чуть ли не из любой жилой ячейки".

– Я не на-зы-ва-ла имени наследника, черт тебя дери!

"Простите, но никто другой не выполнит Вашей последней воли, мадам. У Вас нет выбора. А вероятность того, что Малыш успеет сюда до Вашей смерти не более четырех и двух десятых процента, это я тоже подсчитал. Так что осуществить этот план ему вряд ли удастся".

– Ты так уверен в своей непогрешимости, – процедила Старая Дама сквозь зубы. – Это просто невыносимо. Ты определенно лазишь на досуге в запись моего сознания. Отключись.

"Если бы я это и делал, то в результате получались бы все равно Вы, а не я, – сказал компьютер обиженно. – Я всего лишь объективен. И я не нарушаю законов. И не лгу. Я этого просто не могу. Дважды два для меня всегда четыре, мадам".

– Отключись немедленно!

Компьютер отключился.

Да, подумала Старая Дама, глядя на компьютер с ненавистью, ты не можешь нарушать законов. Но мне, слава богу, на них плевать... по крайней мере, в этом случае. Закон разрешает фантому существовать в активном состоянии только девять суток. Но уж мой-то профункционирует сколько потребуется, даже и после моей смерти. Кстати, не забыть бы поинтересоваться, откуда взялось это странное ограничение?

В кабинете стояла мертвая тишина. Никто и никогда не решился бы войти сюда без зова. Так повелось издавна, с тех самых пор, когда после смерти мужа и отъезда племянника Старая Дама искала одиночества. Она не желала выставлять на всеобщее обозрение то, что считала своей слабостью – смертную тоску.

Зачем лгать себе? – думала Старая Дама. Конечно же, в глубине души она всегда знала, что выбора у нее нет. Из всех ныне живущих потомков Айвена Азерски лишь один Малыш в полной мере обладал родовой гордостью комтов Первой Империи. Но если это было настолько очевидно ей, надо думать, это понимали и в Совете. Малышу давно уже угрожала опасность, и Старая Дама запоздало поражалась собственной беспечности.

Кандидатура была единственной, но, боже мой, как ей не хотелось делать первые шаги к примирению. И не потому, что она не любила племянника. Как раз наоборот, потому что слишком любила. И ревновала. О, как она ревновала Малыша к этому блестящему, этому обаятельному, этому безответственному субъекту – своему покойному супругу. Она оттягивала решение до последнего момента, и вот теперь, похоже, могла опоздать.

Отказ Малыша возвратиться в Гнездо в свое время оказался для нее чуть ли не столь же тяжелым ударом, как смерть мужа. Да, Старая Дама была категорически против вживления контакторов, по крайней мере, для племянника. Но не из самодурства или жадности – упаси боже! – а из-за страха за Малыша.

Пусть для него все закончилось благополучно. По сути дела это ничего не меняло. Муж не имел права рисковать жизнью мальчика. Операция была относительно безопасна для человека лишь во младенчестве, что и доказал старый дурак собственным печальным примером. Старая Дама регулярно оплачивала учебу Малыша в Академии Корпуса Пространства – одном из лучших учебных заведений Столицы Империи – но не ответила ни на одно из его писем и категорически отказывалась от личных встреч. Тем не менее, каждый его шаг в самостоятельной жизни был ей известен. Особенно на первых порах, пока конфликт с Советом не достиг еще своего нынешнего сумасшедшего накала.

Старая Дама подняла глаза к голографическому портрету племянника, который находился в нише над компьютером. Малыш был изображен на нем примерно за полгода до отъезда из Гнезда. На его висках еще не было этих проклятых контакторов. Веселый, крепкий, красивый юноша, обещавший вскоре превратиться в настоящий эталон молодого человека. Она не хотела принять его оправданий, отвергла шаги к примирению. Вот и расплата. Компьютер прав. Ей, очевидно, уже не дано его увидеть.

Как ни странно, перепалка с компьютером позволила Старой Даме взять себя в руки. Ей стало даже несколько стыдно собственной реакции на это... скажем так, "прискорбное" известие.

На жалость к себе и все такое прочее она просто не имела времени. До завершения жизненного пути следовало еще многое сделать: вызвать из Столицы, дожидаться и ввести в

курс дела племянника, организовать из засланных в Город агентов конспиративную сеть, которая должна будет облегчить ему вступление в права наследства, и, наконец, самой перейти в наступление. Ну а в этом деле ведущая роль принадлежала близнецам. Именно они должны будут преподнести Городу ее страшный подарок. Основоположник рода, старый бродяга Иван Азерский не даром всю жизнь мотался по галактике. В семье бережно хранились его бортовые журналы. Старая Дама читала их. Если близнецы выполнят все по задуманному... она не хочет смерти ни одного из этих несчастных идиотов – горожан, но уж напугать их так, чтобы они опрометью выскочили из своих крысиных нор на поверхность, она сумеет. Хватит обороняться. Совет хочет войны? Он ее получит.

4

Вид у новой санитарки был, как биопше и полагается, препакостный. Жаба жабой. Низкий лоб, приплюснутый нос с вывернутыми ноздрями, толстые губы. Шея, поглощенная гигантскими буграми мышц, казалось, отсутствовала вообще. Из одной стороны губастого жабьего рта в другую она перекачивала длинную зубочистку. Была она явная садистка и, как большинство биопш, скорее всего, лесбиянка – женщины с натуральной ориентацией решались идти на службу в санацию чрезвычайно редко. В тоннелях подземных Городов, где для поддержания порядка нельзя было использовать мощное оружие, в санаторах ценилась и искусственно – уколами стероидов – наращивалась огромная мышечная масса. Но как же уродливо преобразилось при этом человеческое, и особенно женское тело! В этих существах, более уродливых, чем гориллы, окружающие отказывались признавать людей. Их называли биопами. Их ненавидели и боялись.

На руках у жабы красовались лычки фельдшера. Жаба лениво двигалась вдоль шеренги, вроде бы выглядывала кого-то определенного и на лице имела выражение мечтательного предвкушения. На правах пусть и мелкотравчатого, но все-таки начальства, она сопровождалась дежурной биопшей, пребывавшей в чине рядовой санитарки. Обе шагали характерной для биопш походкой – вытянутая вперед чудовищная голова с деформированными лицевыми костями, маленькими красными глазками и тяжелой гамадрильей нижней челюстью, раскачивающийся из стороны в сторону бочкообразный торс и нелепо болтающиеся ниже колен бревнообразные руки с непропорционально огромными кистями. Несмотря на толстенные резиновые подошвы, металлические прутья пола отзывались на шаги биопш тяжким грохотом и стоном.

Из штрека подъемников тянуло холодом и промозглой сыростью. Санаторки были выстроены на самом ветроуде, а пол из толстых железных прутьев, казалось, высасывал из женщин последние остатки тепла – электропроводящие подошвы обуви подсанационных процентов на семьдесят состояли из металла и теплоизоляцией обладали аж никакой. Однако женщины с жадностью спешили надышаться этим воздухом, казавшимся им восхитительно свежим на фоне того спертого и переполненного миазмами, что поднимался снизу из провала санаторной шахты. Там, на бесчисленных спальных уровнях, спала в своих норах очередная смена подсанационных, причем единственным средством вентиляции для них служили дыры в закрывающих эти норы толстых стальных люках.

Санаторки, с трудом сдерживая зевету, украдкой боязливо переглядывались. На Ану они старались не смотреть, а если чей-нибудь взгляд на нее случайно наткнулся, то тут же стремительно вилял в сторону. Накануне, перед самым концом смены, в Центре Управления пронесся слух, что тут со дня на день ожидается еще одна подсанационная с симбиозными контакторами. Путь у оконтакторенных был один – в контрольные диспетчерши, и все понимали, что Ане при ее-то "литере" появление новенькой не сулило ничего хорошего.

– Что это их здесь так мало? – удивилась жаба, обращаясь к подчиненной. Санитарка, умудряясь одновременно демонстрировать и независимость, и почтительную фамильярность, лениво цыкнула зубом и скривилась.

– Эти сучки – компьютерши из Центра. Координация, грузоперевозки, учет, контроль и все такое.

– Ах, это они самые и есть? – жаба покивала головой. – Ну да, ну да. То-то, я гляжу, этажом ниже норы в десять ярусов, санаторки по лестницам как макаки шмыгают, а здесь... Я, вообще-то, навидалась всякого разного, и на Терре, и... вообще. Но об эдаком и не слыхивала. Помилуйте, это не санаторий. Это курорт. Нормированный рабочий день, свободное время, межполовое общение и даже бар... Разврат!

– Только у управленцев, – уточнила вертухайша. – Работа ответственная. Конвертопланы простаивать не могут. Не дай бог, какой сбой. С Объединенными Компаниями шутки плохи. Так что эти сучки у нас, видишь, даже спят не в норах, а в ячейках. Не хуже, чем на гидропонном уровне... ну, почти. Разве что визии нет, инфор внутренний, да при отбое полы на этаже тоже под током.

– Ишь ты, – восхитилась жаба. – Ну, аристократки!

– Да уж. Мы своих курочек лелеем и холим. Ласкаем, можно сказать. – Санитарка гнусно причмокнула и заржала.

– О-ч-чень, о-ч-чень приятно познакомиться с такими выдающимися... Значит, бар... – не отрывая гипнотизирующего взгляда от лиц подсанационных, жаба склонила ухо ко рту санитарки. – Что ж они в этом своем баре пьют? Мочу?

– Пиво, – снова заржала вертухайка. – Но моча лучше, падлой буду.

– Ну-ну, – Жаба вприщур смотрела на санаторок, медленно переводила глаза с одной женщины на другую, откровенно наслаждаясь тем, как бледнеют под ее взглядом их лица, и по гурмански крутила головой.

– Курорт. Право слово, курорт. В Старых Мирах такой рай подсанационным и присниться не может в мечтательных снах. У нас на Терре мы таких... М-да... Ты только посмотри на этих стервочек. Никакого счастья на харях! Никакого умиления при виде начальства. Никакой готовности слиться в экстазе! Переминаются с ноги на ногу, будто в мыслях у всех одни сортиры. Фи, какая пошлость. Фи, фи и еще раз фи!

– Это верно, – поддакивала вертухайка. – Это да. Фи себе рыла. Как говорится, ни кожи, ни рожи, а хорошего отношения к себе, между прочим, не ценят. Мужиков по ячейкам таскают, падлы, насчет экстаза. И санаторских из ЦУПа, и вольнонаемных, и о-очень крупных шишек из запредельных технарей умудряются некоторые... да-да, на голубых форменных брючках нежными губками молнии расстегивают, курвы. Даже под санитаров пристраиваются, сучки, не боятся, что биопши инструменты им дырки раздерут нахрен и пополам.

– Ай-яй-яй!.. Ай-яй-яй!.. Даже с биопами амурствуют? Это неправильно. Будем исправлять. – Жаба укоризненно покачала головой, и тут взгляд ее ушарил в шеренге Ану. Санитарка масляно ухмыльнулась.

– Эй ты, подруга, а ну, ходи сюда.

Побледневшая Ана вышла из строя.

Огромная лапа биопши сгребла в горсть сразу обе груди девушки.

– Ишь ты, какая лялька. Тепленькая, нежненькая, только из постельки, – вкрадчиво промурлыкала жаба и тут же набросилась на остальных санаторок: – Чего стоите? Две минуты на все ваши личносортрные дела и чтобы духу вашего... Рабочая смена вас дожидаться не станет. Брысь отседова...

Санаторки, натыкаясь друг на друга, бросились к штреку подъемников.

– Смотри-ка, совсем мы даже не красавица, стервочка мы и гидропонная шлюшка, а сексуальность из нас прет, как из путаны с Бродвея! – снова замурлыкала жаба, глядя на Ану, как удав на кролика. – Какой у нас номер? Четырнадцать – двенадцать... я запомню... а литера какая... "Уай"?!... ни хрена себе! – жаба внимательно оглядела Ану с ног до головы, продолжая машинально месить в горсти ее груди. – И за что же это мы удостоились такой чести?

Ана молчала.

– Мы проглотили язычок? – продолжала жаба, но тут ее взгляд наткнулся на никелевые контакторы на висках своей жертвы. – Ах, вот оно что... мы, оказывается, из благородных? Определенно из благородных. Раз у нас на височках-то даже не трудяга-нержавейка, а наиболее благородный никель, небось, у нас не только денежки водятся, но и титул какой-никакой имеется? То-то, я гляжу, "Уай" – и вдруг в ЦУПе всякими нежными местечками о стульчики тремся, кайф ловим. С такой литерой мы должны бы вкалывать в радиоактивной горячей зоне, где

ни один автомат не работает. Богатенькие родственнички постарались, пристроили нашкодившую лялечку в Центре Управления, а с ураном и инглием колупаться – это для быдла? Что молчишь, сучка оконтакторенная? – и она вдруг резко ткнула зубочисткой в нервный узел на лице Аны.

Ана вскрикнула.

– Ишь ты, цел язык-то.

– Ты это... имей в виду... она у нас старший чистильщик, – с непонятной интонацией сказала в жабью спину санитарка. – Та самая Ана Стеклофф, о ней еще на пятиминутке говорили.

Жаба выпустила из лапищи грудь Аны и медленно оглянулась.

– Да ну? Это что денег хапанула немерено не с тех с банковских счетов?

– Ну, насчет счетов Совет, может, еще бы и порассуждал, счета-то были Старой Дамы, да уж больно много хапнула. Там как сумму увидели, все прочие соображения – побоку, и вышку ей тут же впаяли, чтобы другим было неповадно.

– А чего ж она тогда живая?

– По ящику говорили, что Старая Дама вето наложила. Она смертной казни не признает. Прррынцыпиально.

– Ишь ты. Чокнулась баба насчет человечьих прав... – Жаба повернулась к Ане. – Ладно. Ступай покедова... Тебя работа заждалась, а ты тут кайф ловишь, мазохистка долбанная. Вечерком увидимся, а там посмотрим на твое поведение... – и Жаба без замаха, коротко и даже лениво шлепнула Ану раскрытой ладонью по уху. Голова Аны дернулась в сторону, она еле устояла на ногах и на несколько секунд совершенно оглохла.

С нижних этажей доносился грохот открывающихся люков. Там тоже наступило время побудки, из спальных нор торопливо выползали заключенные и обезьянами скатывались вниз по лестницам, спеша к клетям подъемников.

Клеть с управленками, разумеется, уже ушла. Все остальные клетки лифтовой шахты, судя по сигнальной панели, уже распределились по этажам санатория, чтобы вобрать в себя гигантскую армию подсанационных и сбросить ее вниз в смертоносные недра уранового рудника. Наверху в карцерном шлюзе стоял один грузовой подъемник, но управление всеми грузоперевозками проводилось с центрального пульта санатория, так что воспользоваться этой клетью у Аны не было никакой возможности. Однако шансы не опоздать к началу работы у нее еще были. До нужного ей уровня "пять – пятьдесят три" она сможет добраться вместе с санаторками с нижнего этажа... если успеет. Конечно, люки межэтажных коммуникационных колодцев заперты на замки, но, как она недавно выяснила, здешние электронные замки не составляют для нее никакой проблемы.

Ана метнулась в зев технологического штрека к межэтажному коммуникационному колодцу, металлическая лестница которого во время пересменки должна была быть обесточенной вместе со всеми металлическими полами спальной зоны. Ухо горело и дергало, из глаз катились слезы, ноги подкашивались. Но ей нужно было успеть. Она должна была это сделать, если хотела остаться живой. Интуиция... или надежда подсказывали ей, что все случившееся не было сознательной провокацией. Конечно, она, Ана, не имела серьезного опыта интуитивистики – контакторы появились на ее висках не так уж и давно, она и деньги-то воровала с единственной целью сделать себе операцию – но в то, что жабий наезд есть всего лишь самодурство оборзевшей от безнаказанности вертухайши, в это ей очень хотелось верить. Правда, если в Центре и в самом деле появилась новая оконтакторенная санитарка, опоздание может иметь для Аны самые губительные последствия.

Проход на ее счастье был пуст. Ана подскочила к люку, закрывающему вход в колодец коммуникационного штрека. На этот раз ей даже не пришлось касаться крышки руками. Люк откинулся сам собой, и из темного колодца в нос Ане ударила омерзительная вонь. Ну же, ско-

рей, скорей, подгоняла она себя. В глубине колодца капала вода, все вокруг было покрыто липкой ржавой грязью. Перекладины лестницы гудели под ее тяжелыми башмаками, ноги скользили, а в голове билась совершенно уж нелепая мысль о том, что за оставленный незакрытым колодец она может поплатиться уже не только лишением пива.

Лестница кончалась в полутора метрах от пола коммуникационного тоннеля. Она спрыгнула вниз, и из-под ног ее с писком в разные стороны шарахнулись крысы. Передернувшись от омерзения, Ана плюхнулась на четвереньки прямо в грязь, вышаривая руками люк в полу тоннеля.

Люк, на ее счастье снабженный для открывания рычагом с противовесом, с гнусным чмоканием отъехал в сторону. Ана, не колеблясь, ухватилась руками за скобу на тыльной его стороне и ногами вперед нырнула в дыру. Люк, захлопываясь, мягко повернулся, и она повисла под потолком технологического штрека нижнего этажа. Вокруг, к ее несказанной радости, было пусто. Ана отпустила скобу и попыталась как можно мягче приземлиться на полусогнутые ноги. Однако высота штрека оказалась для нее слишком большой. Пол с силой ударил ее в пятки, ноги подломились, она опрокинулась на спину и с грохотом впечаталась всем телом в его ребристую металлическую поверхность.

По штреку, как ей казалось, многократно усиливаясь, заметалось эхо. Морщась от боли, она с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, со всех ног помчалась к выходу. Но уж если тебе не везет...

Это было не эхо.

Отнюдь.

Навстречу ей, топоча подобно стаду элфантов, выскочили две здоровенные санитарки. Патруль. Ну, все. Приехали.

– Это что еще тут за чудо природы? – прогудел над ее ухом хриплый начальственный бас. – Ты кто?.. Ты зачем?..

Огромная рука сгребла в горсть комбинезон на ее плече и вздернула его вверх так, что ноги Аны на какое-то время оказались оторванными от пола.

– Смотри-ка, роба-то желтенькая. Управленка... Как же ты к нам сюда попала, сучонка? Птенчик из гнездышка выпал? Или ты сквозь пол провалилась?

Сзади снова раздалось характерное чмокание откидывающейся крышки люка. Ана невольно оглянулась и увидела, как из его разверзшегося зева мягко выпрыгнул человек в голубой форме старшего технического служащего. У Аны от облегчения чуть ли не подкосились ноги. Это снова был Он.

– Ты почему... – машинально бормотала патрульная биопша, во все глаза пялясь теперь уже мимо Аны.

Между тем Он, не торопясь, подошел вплотную к женщинам, вклинился между биопшами и Аной и брезгливо вытер о ее робу испачканную грязью руку.

– Ну и что ты застыла, как изваяние, – сказал Он, с пренебрежением игнорируя санитарок. – Быстро вперед...

– Она не с нашего этажа, – возразила начальница патруля, по-прежнему загораживая проход.

Технарь поднял на биопшу изумленные глаза с таким видом, будто бы только что ее заметил.

– С дороги! – скомандовал он.

Биопша побледнела, но не тронулась с места.

– Но...

– Ты будешь со мною спорить? – вкрадчиво спросил технарь. – Ты от радиации кайф ловишь, или просто сошла с ума? На обогатительных фабриках, знаешь ли, как всегда не хватает охраны.

Биопши попятились, развернулись с неожиданной для их громоздких тел прытью и грузно помчались прочь.

– Я... – умоляюще забормотала Ана, пытаясь оправдаться, – меня задержали...

– К клетям, быстро! – скомандовал технарь и, ухвативши Ану за руку, потащил ее по проходу.

Лифтовый отсек был уже пуст. Клетки ушли. Вот и все. На этот раз, пожалуй, даже Он ее не спасет. Ана бессильно привалилась к стенке, что будет, то и будет, и провалилась все пропадом. Технарь, злобно выругавшись, рванул из кармана маленькую коробочку, снабженную множеством кнопок, и принялся тыкать в них пальцем. И тут Ана вдруг увидела, что светившийся на самом верху у карцеров огонек грузовой клетки сорвался с места и пополз вниз, стремительно набирая скорость. В Ане снова вспыхнула отчаянная надежда. Эта коробочка... это же ПАУ – автономный пульт управления, редчайшая вещь, символ безграничной власти, да что там символ, он и был воплощенной властью, поскольку позволял человеку, владеющему им, перехватывать управление любыми механизмами, автоматами, роботами и даже киборгами не только у их собственных примитивных мозгов, но и у городских управленческих структур любого уровня. Только члены Совета Координаторов и старшие офицеры служб санации имели... да кто же он такой, этот человек, уже в третий раз выручающий ее из беды? Среди санаторок ходило множество рассказов о подобных покровителях. Как правило, подопечным женщинам приходилось расплачиваться с ними, что называется, натурой. Но Он никогда ни словом, ни намеком... С визгом, лязгом и грохотом подлетела грузовая клетка. Технарь легонько подтолкнул Ану к распахнувшимся дверям.

– Быстро, быстро...

Из глаз Аны снова хлынули слезы, но на этот раз это были слезы облегчения и отчаянной, безграничной благодарности.

– Вы... Я... Я...

– Вот и славно, – успокаивал ее технарь, продолжая настойчиво подталкивать к клетке, – вот и хорошо. Сейчас я Вас отправлю вниз, а после смены найду и мы поговорим. Мне кое-что от Вас нужно.

Ана схватила руку технаря и прижалась к ней грудью.

– Я отблагодарю, – бормотала она, – все-все, что хотите... как хотите... когда хотите...

– Я Вас не покупаю, – сказал технарь, мягко высвобождая руку. – Мне нужно не Ваше тело, а Ваша служба.

– Да, да, – пылко бормотала она, порываясь поцеловать эту руку, казавшуюся ей сейчас чуть ли не гарантом жизни, – все, что прикажете.

Клетка рванулась с места так быстро, что Ана, не устояв на ногах, снова грохнулась на металлические прутья ее дна. Но на этот раз никакой боли она даже не почувствовала.

5

В клинике, или как там ее... в лаборатории, все было уже готово к операции. Пузатый коротышка, представившийся главным врачом и генеральным актуализатором проекта – что бы это могло значить?.. мать какая-то... – прежде всего, пригласил Лайзу пройти в Хранилище для выбора донорского тела.

Коротышка медленно шествовал по коридорам, не обращая внимания на подобострастные приветствия встречаемых. Подчиненные явно трепетали перед ним. Свою пациентку он еле-еле достаивал слов, процеженных сквозь зубы. Лайза начинала потихоньку закипать и с трудом сдерживала желание плюнуть сверху вниз прямо на его презрительно оттопыренную нижнюю губу.

– Реципиенты вообще не должны видеть донорские тела, – заявил вдруг коротышка раздраженно. – Категорически. Но в отношении Вашей особы я имею весьма недвусмысленные указания. Оттуда.

Коротышка вздернул вверх подбородок и показал глазами на потолок.

– Реципиент не должен выбирать себе донорское тело сам, это абсурд! Предупреждаю Вас, что в процессе нашей работы тело претерпит значительные изменения... Это ни в какие штольни не лезет! – вдруг взорвался он. – Мы сформируем из сознания реципиента фант для инсталляции его в мозг донора, а в этом фанте останется впечатление от виденного им донорского тела. Потом мы начнем это тело кромсать. В Вашем фанте практически полностью отсутствует подсознание, это Вам известно? Между тем, когда мы стираем личность донора, мы неизбежно разрушаем, системы, управляющее его телом. Не до конца, разумеется, однако ни один из доноров после чистки мозга не живет более девяти суток. Мы перезапишем в его мозг Ваш фант, но органы, которые окажутся неуправляемыми, придется заменять биомеханическими и даже механическими. Что при этом получится, одним звездам известно, и то вряд ли. Но Вас это не волнует, не правда ли? По крайней мере, пока. Вам лишь красоту подавай!

– Вот что, уважаемый, как там Вас... главный лизатор?.. – перебила его Лайза. – Вылизать должно много лучше того, что было. Иначе... вы себе не представляете, что будет иначе. Вы полагаете, что распоряжение получили отсюда? – она ткнула пальцем в потолок. – Нет. Чтобы сделать правильные выводы, выйдите отсюда наружу, на самую поверхность Земли, и только тогда поднимайте вверх свои поросычьи глазки.

Коротышка побледнел и увял. Похоже, он вдруг обнаружил и другие поводы для волнений, кроме нарушения распорядка функционирования своей драгоценной клиники.

Коридор, в который они вошли, охранялся постом из двух огромных биопов, стоявших по обе стороны от входного портала. Биопы внимательно посмотрели на Лайзу, но коротышка предупредительно вздернул вверх палец, и они пропустили ее без каких-либо вопросов. Лайза удовлетворенно ухмыльнулась. В коридоре царили полумрак и сверхъестественная тишина. С одной его стороны располагались глубокие ниши, в которых перемигивались огоньками странная аппаратура. С другой против каждой ниши находились огромное тонированное стекло.

– Хотите увидеть донора в предоперационном состоянии? – Коротышка сделал приглашающий жест. Лайза подошла и заглянула сквозь прозрачную стену внутрь.

Зрелище было ошеломляющим. На полу сидел абсолютно голый мужчина и пытался затолкать в рот большой палец ноги. Очевидно почувствовав за окном какое-то движение, он поднял голову и сказал: "Ам". Глаза его были блестящими и абсолютно пустыми. Лайза вскрикнула и отшатнулась.

– Да, это не слишком приятное зрелище, миссис, – коротышка источал мед и сахар, но глаза выдавали его. – Не пугайтесь, стекло имеет одностороннюю прозрачность. Он нас не видит.

– Я надеюсь, Вы не собираетесь предложить мне именно это тело? – сказала Лайза ледяным тоном. – Я, знаете ли, отнюдь не транссексуалка.

Коротышка махнул рукой вдоль коридора.

– В следующих блоках женщины. Прошу Вас.

Как выяснилось, все тела в Хранилище были хороши. Наконец, донорское тело было выбрано, причем решающим фактором оказалось наличие на его висках серебряных контактов.

– А что, золотых нет? – спросила Лайза брюзгливым тоном.

Коротышка посмотрел на Лайзу таким взглядом, что за один этот взгляд его можно было стереть в порошок, даже на идиотку так не смотрят, честное слово.

– Но миссис, донорских тел с золотыми контакторами у нас просто не бывает. Подумайте сами, откуда такому телу взяться? Каждый человек с золотыми контакторами имеет не только сумасшедшие деньги, влияние и связи, у него еще и та-акое происхождение, что... даже серебро у нас тут запредельная редкость. Чем благороднее металл, тем труднее донорским телом, так сказать, обзавестись. В конце концов, Вы можете свои контакторы позолотить, все равно пользоваться ими Вы практически... хм-хм... Это несколько болезненная, но достаточно простая процедура.

Лайза повеселела. После операции она обещала стать очень и очень симпатичной девушкой. Спасительный страх в сердце придурочного "лизатора" был посеян, так что за исход этой самой операции можно было не опасаться.

Уже выходя из коридора, Лайза вспомнила про тело мужчины, тоже уже подготовленное к пересадке нового фанга. Кому оно предназначалось? Уж не Человеку ли, Который Всегда Прав? Ей подумалось, что было бы очень забавно отдаться Ему первому и в этом ее новом теле тоже. Хотя... вряд ли это тело девственно, а ведь когда Человек, Который Всегда Прав впервые уложил Лайзу в свою постель, она была совсем еще девчушкой...

– Этот красавец, которого мы видели первым в том коридоре, он что, намечен кому-то персонально? – спросила Лайза.

– Да, миссис.

– Может быть, Вы приберегли его для себя? – Лайза оглядела этого самого "лизатора" с ног до головы, выразив на лице предельное отвращение и пренебрежение.

Коротышка вспыхнул.

– Нет, миссис. Я не желал бы оказаться на Вашем месте, даже если бы мне предложили выдать те полтора миллиона имперских кредитных билетов, в которые, насколько я знаю, обойдется Ваша метаморфоза.

Лайза внутренне охнула. Цена, в которую обошлось ее омоложение Покровителю, потрясала воображение. Вот так вот, походя, выложить из кармана такую сумму не смог бы никто во всей системе Сола, исключая, разве что, Старую Даму. Всем прочим предварительно пришлось бы основательно подумать, в затылке пальчиком чеша... м-да!

– Я доволен своим телом, – продолжал коротышка. – Вполне. Нам предстоит жить в страшном мире. Полагаю, что в будущем – в ближайшем, заметьте! – люди станут себя сознательно уродовать. Обладать красивым телом будет опаснее, чем бриллиантами "Голубая звезда" и "Черный принц" вместе взятыми. Но это все теории. А нам с Вами следует, так сказать, проследовать в операционное отделение лаборатории. Там, я думаю, все уже готово, чтобы пересадить червячок Вашего сознания из этой старой, сморщенной червивой гнили в свежий, благоухающий и полный, если так можно выразиться, жизненных соков юный плод.

– Операция продлится долго?

– Нет, миссис. Дольше всего будет идти запись фанга. Чем фант полнее, тем меньшим будет механическое замещение в донорском теле. Вас придется всю увешать датчиками. У Вас, к сожалению, нет контакторов.

– Но скоро будут.

– Да, миссис. После операции. Вероятно, это будет удивительное ощущение. Впрочем, все Ваши ощущения, я полагаю, будут очень... как бы это... удивительными.

В глазах коротышки, вроде бы, мелькнуло злорадство. Лайза нахмурилась, но коротышка уже приглашал ее пройти в операционную. Повинуясь этому приглашающему жесту, Лайза прошла в ослепительно белый ярко освещенный рум, где под простыней на столе из нержавеющей стали угадывалось увитое проводами донорское тело.

Лайза уселась в удобное мягкое кресло. На ее голову надели нечто, напоминающее стационарный парикмахерский фен. К глазам подвели бинокулярную приставку, похожую на оптический замок от жилой ячейки, идентифицирующий человека по рисунку сетчатки глазного дна. Потом Лайза почувствовала укол в шею, и свет померк в ее глазах.

Мысль о том, что ждет ее в родном старом теле даже не пришла Лайзе в голову.

6

С огромным трудом Старая Дама выделила время для обновления в компьютере своего фанта, но записать его ей так и не удалось. Когда она, скрупулезно соблюдая инструкции, принялась увешивать себя датчиками, в кабинет проскользнул единственный человек, который в подобном случае мог рассчитывать на безнаказанность – старый Айга, служивший в Гнезде так долго, что превратился чуть ли не в члена семьи.

Наткнувшись на укоризненный взгляд хозяйки, Айга смутился.

– Простите, госпожа, но меня очень просили... – он с растерянным видом пожал плечами. – Они там собрались и Вы им нужны. Очень. Похоже, случилось что-то из ряда вон... Там все, даже близнецы.

Для того чтобы близнецы оказались сейчас в Гнезде, а не в космопорте, и в самом деле страсти должно было нечто чрезвычайное. Старая Дама вздохнула. Запись фанта снова – в который уже раз! – приходилось отложить, чтобы заняться более насущными делами.

При ее появлении все встали. Старая Дама заняла свое место во главе стола, дождалась, когда присутствующие усядутся, и оглядела собравшихся тяжелым взглядом.

Здесь были практически все люди, занимавшие в ее владениях ответственные посты. В основном присутствующие были в истинных телах. Однако кое-кто, в том числе ее главный военный советник барон Айно находились сейчас фантом-контактах, однако их псевдотела были выполнены столь безукоризненно, что никто, кроме интуитивиста не заметил бы подмены.

– Это хорошо, что мы все тут сейчас собрались, – сказала Старая Дама, прерывая затянувшееся молчание. – Давайте сначала посмотрим, что там такое сверхъестественное стряслось, а потом обговорим еще кое-какие вопросы. Давно уже собираюсь довести до вас некоторые свои... да все как-то... Ну, что там у вас? Докладывайте.

Фантом Айно чуть приподнял над столом ладонь.

– По Вашему поручению, сударыня, я должен был вылететь на Райну для переговоров с райанским Советом Координаторов. Для нас жизненно важно договориться с ними о компактном поселении на Райне наших эмигрантов. Только в этом случае можно будет организовать эти поселения по военному образцу, и провести формирование и обучение военных подразделений из азерских добровольцев. На Райне обстановка тоже непростая. У них там вполне достаточно хватких деляг, что за большие деньги не то чтобы планету, мать родную продадут. Кто-то на Райне видит в боевых подразделениях азерцев естественных союзников, а кто-то по старинке непримиримых врагов. Так что драка на их Совете ожидается хорошая. Так вот, в космопорте в истинном теле я был схвачен азерской санацией. Именно схвачен... навалились кучей и повязали. Очень досадно, госпожа комтесса, потому что я чувствовал враждебность окружения, даже их намерения, вроде бы, понимал, но... никак не могу привыкнуть, что я, оконтакторенный, теперь должен этим своим интуитивным ощущениям безоговорочно доверять.

Для Айно, известного среди "малиновых беретов" под именем "Черного барона", как и для других высших командиров элитных подразделений вооруженных сил, решившихся на операцию, Империя разорилась на вживление симбиозных контакторов за имперский счет. Операция закончилась для Айно вполне благополучно, но поскольку проведена она была совсем недавно, он в полной мере успел нахлебаться всех связанных с нею неприятностей, и весьма мало преуспел в использовании преимуществ.

Айно происходил из старинного, но пришедшего в упадок азерского баронского рода. В восемнадцатилетнем возрасте он решил на вербовку в армию, чтобы предотвратить окончательное разорение семьи. Все полученные при этом деньги пошли на уплату по закладным

за родовую землю. Деньги, надо сказать, были немалые. В спецназе Империи ценились рослые и крепкие парни с Азеры и Райны. Вербовка в спецназ была большой личной жертвой, поскольку автоматически означала превращение в биопа, а, как известно, у людей, колющихся стероидами, не могло быть потомства. Каждый полученный солер Айно вкладывал в родовое поместье, и он совсем не был намерен мириться с крушением своих надежд. Узнав о планах Объединенных Компаний, он дезертировал из армии и стал правой рукой Старой Дамы во всем, что касалось подготовки к неизбежному – это все понимали – вооруженному конфликту.

– Ты знаешь, какие обвинения тебе предъявлены?

– Я находился в онлайн – контакте, так что – да, это мне известно. Дезертирство из вооруженных сил империи. Смех и только. Какое дело Азере до имперских дезертиров? Командовал захватом лично наш азерский Верховный Санатор, эта жирная сволочь, Фетмен. Я ему говорю – тебе-то какое дело до моего дезертирства, толстый? Азера не является имперской территорией, она всего лишь входит в имперский экономический союз. А он мне: если ты хочешь сказать, что мы, азерцы, не имеем права тебя арестовывать, так я немедленно и признаю, что ты, скотина черномазая, совершенно прав. У нас тут ожидается корабль имперской санации. Сдадим им тебя тепленького и немедленно выразим Старой Даме искреннее сожаление за инцидент. Принесем ей свои глубочайшие извинения и заверим, что такое больше никогда и ни в коем случае не повторится. Да, вот еще что, мы пообещаем самым суровым образом наказать виновных ... Красноречив сделался вдруг, сволочь. Не иначе, всю ночь эту свою речь зубрил в предвкушении.

– Где ты сейчас в истинном теле?

– Представления не имею, – Айно смущенно покачал головой. – Контакт с истинным телом они мне разорвали. Теоретически я знаю, что его можно восстановить, но пока что я этого просто... не научился еще. Не освоился я пока что со своими контакторами как следует. Не успел.

– Но ты ведь под трибуналом ходишь! – ахнули близнецы, дружно и прямо-таки синхронно тряся рыжими головами.

– На войне как на войне, – жестко сказал Айно. – Потери неизбежны.

– А как же – "сам помирай, а товарища выручай", как ты нас всех сам и учил? Уши прожужжал, можно сказать?

– В Городе вам меня у санации не отбить. Только сами погибнете, лучших наших бойцов положите и потеряете время. Вам надо на Рибартон.

– Дубина, – ласково сказал сидевший с ним рядом близнец... кажется, это был Алексей... у Старой Дамы с глазами было что-то не так, двоилось у нее в глазах, и вообще, видела она плохо. – Дубина. А ты подумал, каково нам с братом и всем этим самым нашим лучшим бойцам придется на Рибартоне, если мы туда полетим без тебя? Да у всей нашей команды на Рибартоне не будет ни одного шанса. Мало того, что людей потеряем, так еще и дела не сделаем.

– Айно будем выручать, как выручали бы любого из вас, и Рибартон тут ни при чем, – непререкаемым тоном сказала Старая Дама. – Так что кончайте базар. Нужны идеи: где он сейчас может находиться в истинном теле, и как его оттуда тащить.

Близнецы загомонили разом, перебивая друг друга, следом вмешались и все прочие члены Совета, в помещении поднялся невероятный гвалт. Старая Дама не мешала соратникам высказываться и спорить. Она по опыту знала, как часто из этого гвалта и бедлама рождалось то самое единственно верное решение. Несмотря на скверное самочувствие, она безошибочно выхватила из гвалта нужные слова, и немедленно взревела неожиданно громким голосом, хлопнув для убедительности по столешнице обеими ладонями:

– Тихо!

Все немедленно умолкли.

– Ты, – сказала она, ткнув пальцем в тишайшего своего Айгу, человека абсолютно незаметного и, тем не менее – в чем она много раз убеждалась – столь же абсолютно незаменимого. – Что ты тут такое?.. Повтори.

– И гадать нечего, – тихо сказал Айга. – Куда они упрячут господина барона, это ясней ясного. В санаторий Центра управления перевозками они его упрячут. Есть такой при ЦУПе.

– Это еще почему? – удивился фантом Айно.

– Ну не в кабинетах же предварительной заботы им Вас держать? Из КПЗ Вы, господин барон, выйдете безо всякой помощи со стороны, как из собственного дома. А во всех других санаториях у них бедлам и черт знает, что. Так что делайте выводы.

– Это верно, – задумчиво сказал Айно. – Все санатории в городе битком забиты. Нашей санации и в дурном сне присниться не могло, что Старые Миры наперегонки будут сбегивать сюда своих люмпенов. Внаглую. И что здесь их понадобится массово сажать. А вот в санаторий при Центре управления движением всякую шелупонь не суют, это правда. Только образованных, умных и оконтактореных, которые могут понадобиться Центру. Может быть, может быть... очень даже может быть.

– Ты предлагаешь налет, Айга? – оживился один из близнецов. – А что? Дедуля прав. Мы этот санаторий возьмем на счет "раз". Через карцеры. У них карцеры расположены перед самым выходом на поверхность. Прямо под потолком тоннелей, по которым возят всякую радиоактивность. Такие клетки из металлических прутьев, я интересовался, вдруг доведется угодить ненароком. Изоляция между тоннелями и поверхностью мерзкая, наружный воздух вовсю проникает внутрь. Для травить заключенных самое оно. Система отработана в Старых Мирах, где планетным воздухом дышать нельзя. У нас-то пока еще можно, а там нет.

– Правильно, – энергично поддержал брата второй близнец. – Только бы подполье пробку в тоннеле организовало на полчаса. Мы взорвем потолок тоннеля, проникнем в карцеры, из карцеров в санаторий, а дальше дело техники.

– А не слишком ли это рискованно, рыжики? – Старая Дама покачала головой. – Айно мы, безусловно, вытащим, чего бы это ни стоило... помолчи, Айно... Но план нуждается в серьезном обдумывании. Как бы они там, пока мы будем штурмовать санаторий, его куда-нибудь не вывезли. А то ведь еще и убить могут. Всю операцию надо провернуть без особого шума. Кое-кто у меня в городском подполье имеет выход на Центр перевозок... Значит так. Проработаете план в деталях и дадите мне на утверждение, только быстро. Теперь насчет руководства операцией. – Старая Дама повернулась к Фантому Айно. – Эту задачу я поручила бы тебе, но ты в фантоме существуешь уже восьмой день из максимально возможных девяти. Так что придется и тут потрудиться близнецам. Ничего не подделаешь, парни, Рибартон подождет. Алексей прав, без консультаций Айно на Рибартон нечего и соваться, задача это ваша, так что вам его и вытаскивать.

– Вы забыли еще одно, ребята, – хмуро сказал Айно. – В карцере, да и в соединительных тоннелях между карцерами и санаторием, надо как-то еще суметь вскрыть целую кучу электронных замков. Так что в составе группы должен быть хотя бы один сильный интуитивист. Очень сильный. Я, например, замков вскрывать пока не умею.

Старая Дама некоторое время пристально смотрела ему в лицо, потом повернулась к Айге.

– Подготовь-ка срочный фантом-контакт с номером первым городского подполья. У меня тут появились кое-какие соображения. Сразу после совещания вот мне его и обеспечь. Думаю, мы найдем из этой ситуации какой-нибудь приемлемый выход. Все свободны. Айга, задержишься на минутку.

Когда все вышли, Старая Дама повернулась к ожидающему распоряжений слуге.

– Вот что, дорогой. Сразу после контакта собирайся-ка ты в дорогу. Придется тебе лететь в Столицу. К Рексу.

Айга побледнел и вскинул на хозяйку испуганно округлившиеся глаза.

– К Малышу? Но космопорт под контролем санации.

– Я не думаю, что это затронет тебя. С Азеры уезжает тьма эмигрантов, тебя примут за одного из них. Во всяком случае, придется рискнуть. Другого выхода нет. Ты вынянчил Малыша на собственных руках, тебе он поверит на слово. А любого другого я должна буду посылать с письмом, и это увеличивает риск для посланца в сотни раз. Кроме того, я специально оставила тебя одного, чтобы твоя поездка была тайной для всех.

– Вы кому-то не доверяете, госпожа?

– Вовсе нет. Просто если человек чего-то не знает, то он и не проговорится даже случайно.

– И что я буду... что я ему должен сказать?

– Что время обид кончилось. Что он нужен здесь. И не в фантоме, а в истинном теле. Что это его долг перед планетой и предками. Ты ему расскажешь все.

– Староват я для таких эскапад, – пробормотал Айга и, косясь на хозяйку, торопливо добавил: – Так, значит, сразу после контакта?

Старая Дама внимательно посмотрела в бледное лицо своего старого слуги и мягко добавила:

– Я понимаю, что тебе страшно, Айга. Но – крепись. Каждый из нас должен нести свою ношу до конца. И мы должны выполнить свой долг перед родиной, чего бы это нам ни стоило. Наши предки заселяли, осваивали Азеру. Они сделали ее одной из прекраснейших планет вселенной. Кто мы такие, чтобы разрушать дело их рук? Напротив. Все мы, сохранившие в душе хоть каплю совести и чести, должны объединить свои усилия и спасти родину от жадных и подлых ее детей, что сейчас у власти.

7

День, в который человек в голубой форме старшего технического служащего впервые вошел в ее жизнь, накрепко впечатался в память Аны в мельчайших подробностях, поскольку она тогда не только стала старшим чистильщиком и обрела могущественного покровителя, но и обнаружила в себе способность открывать электронные замки.

До этого дня Ана была рядовым оператором Центра управления перевозками и – по крайней мере, формально – числилась в резерве на должность старшей чистильщицы своей смены.

Их отделение занималось координацией грузоперевозок на очень неприятном участке между Северным и Центральным шахтокварталами. Городские земли тут со всех сторон были стиснуты владениями Старой Дамы. Как с подземными коммуникациями, так и с дорогами на поверхности Азеры дело у строителей тут обстояло очень плохо. Старая Дама мешала им умело и изобретательно. Межшахтное сообщение проходило по узкой горловине, сквозь которую строителям удалось с колоссальным трудом протиснуть два путепровода. Между тем, именно в окрестностях Северной шахты, опять-таки отрезанные владениями Гнезда, находились богатейшие залежи урана и трансурановых элементов.

Из шахт рудников к обогатительным фабрикам Северного и Центрального шахтокварталов и от фабрик к шлюзам Города непрерывными потоками ползли грузопоезда. Эти потоки необходимо было направлять свободными маршрутами, устанавливать очередность, внимательно следить за тем, чтобы нигде не возникало заторов и пробок. Учитывая деликатный характер перевозимого груза, грузопоезда с радиоактивными элементами не должны были попадать в пробки ни при каких условиях. Работа чистильщика и заключалась в том, чтобы обеспечивать грузопоездам с ураном и прочими бьяками зеленую улицу – задача, никогда не встававшая перед шахтерами в Старых Мирах.

В этот день, и без того изобиловавший то и дело возникающими пробками, все движение окончательно спутал и переломал все графики и схемы перевозок неведь откуда взявшийся безлитерный и нигде не числящийся грузопоезд, пропустить который надлежало, однако же, вне всякой очереди. Вылетел он из бокового отрезка шахты со стороны Пульсарки, откуда, естественно, никто ничего подобного не ожидал, и ожидать не мог, и тут же образовал дичайшую пробку, заткнув собою сразу две развилки и служебный коммуникационный тоннель.

В ЦУПе царила полная и совершенная растерянность. Санационное начальство – почему-то во главе с коммодором Корном, ответственным не за перевозки, а за подготовку санационных кадров – с начальственных басов перешло на пошлый визг. И если бы не вмешательство Аны, неизвестно, чем бы весь этот бедлам закончился.

Успех Аны и ее последующий перевод на место старшего чистильщика обусловлен был, естественно, ее способностью работать в симбиозе с компьютером. Однако сам факт такого назначения затронул интересы очень многих людей. Прежде всего, заволновалась прежняя чистильщица, обладавшая большим опытом работы, но не имевшая контакторов. Взволновались и другие операторши, которым Ана неволью перебежала дорогу. Злость, зависть и страх взбудоражили всю их маленькую общину, причем назначение каким-то боком задело, по-видимому, не только санаторок. Уж очень деликатное это дело, проводка грузов, и отнюдь не только в плане очередности. Отмашка на травлю Аны явно исходила сверху.

Травля была изобретательной, постоянной и по санаторному жестокой. Не принимавшие участия в травле санаторки не смели даже взглядом выразить Ане сочувствие. Ана держалась, сколько могла, но когда одна из обидчиц плюнула ей в пиво, она не выдержала.

Обидчица, здоровенная бабища, санаторная ветеранша, поднаторевшая во всякого рода “выяснениях отношений”, отступила на шаг от столика Аны и сказала, обращаясь к глумливо готовавшим товаркам:

– Куда-то надо харкать. Не на пол же, он дырявый. Попадешь еще там, на нижних этажах, кому путному на сапог! – И тут же, взревев от ярости, кинулась в драку: Ана с размаху выплеснула пиво ей в лицо.

Однако дело ей пришлось иметь не с изнеженной девочкой из благополучной семьи. Для Аны, дочери докера космопорта, путь наверх был ой-как непрост, и навидалась она на этом пути всякого. Не успев понять, что такое с нею, собственно, происходит, обидчица оказалась впечатана физиономией в металлические прутья пола, а бока ее вступили в чрезмерно интимный контакт с тяжелыми ботинками Аны.

На помощь зачинщице бросилась вся компания обидчиков, и тут Ану не могли выручить уже никакие бойцовские навыки. Ее зажали, в мгновение ока опрокинули на пол и, мешая друг другу, принялись азартно избивать. Ни вблизи бара, ни у мониторов слежения в это время, естественно, не оказалось ни одной вертухайши.

– Следов, следов не оставляйте, – кричала в спины не на шутку разошедшихся товарок заказчица расправы, сама в ней участия не принимавшая в силу высокого ранга чистильщицы. И в этот момент раздался негромкий голос, как ни странно перекрывший азартные вопли санаторок.

– Прекратить!

У входа в бар стоял высокий человек в голубой форме старшего технического служащего.

Клубок на полу рассыпался. Санаторки мышами кинулись в разные стороны и в мгновение ока оказались сидящими за дальними столиками бара. И тут же с разных сторон в бар ворвались возбужденные биопши – санитарки.

Ана, с трудом поднявшаяся с пола, была ими немедленно схвачена, а зачинщица драки продолжала валяться на полу без движения.

Технар впился глазами в дежурную фельдшершу.

– Как я понимаю, – ледяным тоном сказал он, – ты тут старшая по караулу?

Фельдшерша бледнела на глазах и судорожно кивала, не в силах выговорить ни слова.

– Вот, значит, таким образом мы и служим? В баре твориться черт знает что такое, а ни одна санитарка не следит за порядком не только лично, но и у мониторов?

– Но... все под контролем... – робко сказала фельдшерша и кивнула головой на Ану. – Зачинщица беспорядков схвачена, мы ее сейчас в карцер...

– Молчать! – гаркнул технар. – К твоему несчастью я, пусть и случайно, но видел все происшедшее с самого начала. Своими глазами. Можете не сомневаться, если что-нибудь подобное повторится, выводы последуют незамедлительно. Самые печальные для всего караула. Отпустите девушку, и не дай бог мне узнать, что вы ее хотя бы пальцем тронули... брысь отсюда.

Повторять приказ ему не пришлось. Биопши, толкаясь и спотыкаясь друг о друга, кинулись к выходу.

– Всем сидеть, – скомандовал технар вскочившим было санаторкам и повернулся к зачинщице драки: – Тебе нужно особое приглашение?..

Зачинщица, судорожно хватаясь за прутья пола, завозилась, пытаясь встать.

– Эй, вы там, помогите ей подняться.

Технар пристально оглядел санаторок, которые прилагали все усилия только чтобы не встретиться с ним взглядами.

– Вы могли бы и сообразить, что оконтаторенные люди у нас здесь чрезвычайно редки, – сказал он, наконец. – Да. Очень редки. И потому ценны. И еще вы должны бы помнить, что драки между подсанационными рассматриваются как стихийные беспорядки. Попросту как бунт. А за бунт у нас полагается карцер. Никто из вас, как я понимаю, еще не видел карцера. И молитесь бога, чтобы никогда его не увидеть. Знаете, что такое карцер? Не нужно кивать головами. Вы этого не знаете.

Ана закрыла глаза. Состояние ее было ужасным, и, странным образом это не было связано с избиением, которому она подверглась. То есть, конечно, связано, но не напрямую. Сквозь весь позвоночник куда-то в затылок прокатывались волны тянущей боли, окружающее пространство искажалось и плыло, к горлу подкатывала тошнота, плюхнуться бы сейчас на ложе и закрыть глаза... а напористый и жесткий голос технаря долбил в голову отбойным молотком, отзываясь в Ане новыми приступами тошноты и боли.

– У самой поверхности планеты наполовину в земле, наполовину уже над поверхностью проходят заключительные отрезки городских путепроводов. Дальше – шлюзовые камеры и выход на поверхность. Так вот, под потолками этих путепроводов прикреплены клетки из металлических прутьев. Путепроводы эти традиционно делаются плохо, так что в них всюду проникает воздух с поверхности. В наших условиях это пока еще не страшно, наша атмосфера пока не так сильно отравлена. Но... Вот именно, но! Человек сидит в клетке, а под ним проходят грузопоезда. И каждый из них может везти уран, а то и что-нибудь похлеще. Вы сидите в клетке, и вдруг в темноте путепровода загораются огни. Это освещается дорога перед грузопоездом. Что он везет? Уран? Трансурановые? Что?.. Волна огней все ближе, ближе, и тут в соседнем карцере вдруг откидывается пол. Заключенный, что сидел рядом с вами, оказывается, умер, и его труп летит под колеса. Грузопоезд с грохотом прокатывается под вами машина за машиной, волна огней катится дальше, на вас снова наваливается темнота, а вам остается только гадать, какую дозу радиации вы сейчас получили, долго ли еще протянете, и когда придет ваш черед лететь под колеса...

В баре стояла жуткая тишина.

– Кстати, чтоб вы знали, если дать этому происшествию ход, в карцере окажутся все участники беспорядков. Без исключения. Вне зависимости от степени вины или даже правоты. А для тех сударыней, что сейчас внимательно наблюдают за нашей беседой вот там, – технарь ткнул пальцем в глазок ближайшей видеокamеры, – добавлю, что они вылетят отсюда и приземлятся в охране обогатительных фабрик. Это в лучшем случае... а биопы, как известно, очень плохо переносят радиацию даже в малых дозах. Им, видите ли, требуются после этого дополнительные дефицитные уколы, которые им, естественно, никто не даст. Надеюсь, что я вас убедил... для вашей же пользы.

Технарь подошел к Ане и положил руку ей на плечо.

– Вина, за которую Вы попали в санаторий, – сказал он, – так велика, что вряд ли Вы можете рассчитывать на снисхождение. Но жизнь – штука долгая, Вы молоды, всякое может случиться. Единственное, чего не может себе позволить человек в Вашем положении, это терять надежду. Потеря надежды для Вас немыслимая роскошь. И совершенно недопустимая. Охота вам было подставлять себя под ботинки? – Технарь хмыкнул, повернулся и неторопливо покинул бар. У Аны перед глазами плыли огненные круги, боль стала уже совершенно невыносимой. Почти теряя сознание, она поднялась и вышла следом.

Весь путь до места своего ночлега – ячейки в бетонной стене с лежаком и инфором на случай экстренного вызова – она проделала как во сне. Ана смутно помнила, что по дороге ее, вроде бы, тошнило, что руки и ноги отказывались ей повиноваться, когда она из последних сил карабкалась по лесенке ко входу в свою проклятую вонючую, но такую сейчас желанную ячейку. Люк ячейки неожиданно оказался закрытым, что ее почему-то ни капли не смущало. Непонятно откуда, но Ана совершенно точно знала, что ей нужно сделать. Она положила руки на люк, напряглась и вдруг будто бы потекла внутрь, в электрические цепи, управляющие замками ячеек. Люк с треском откинулся, чуть не сбросив Ану с площадки. Ана взобралась внутрь, заставила люк захлопнуться за собой и, едва успев коснуться лежака, провалилась в сон.

...Она мчалась по коридорам и штольням, следом азартно неслась погоня, и всякий раз она упиралась в запертые люки. Люки обступали ее со всех сторон, огромные перфорирован-

ные стальные диски, за которыми была воля. Она металась из стороны в сторону, отчаянно ища выход, молодецкие вопли и улюлюканье погони были все ближе, ближе... Ана проснулась в холодном поту и с отчаянно бьющимся сердцем. Кругом стояла кромешная тьма, и лишь у самых ног тусклыми звездами светились дыры в люке ячейки.

И тут к ней вдруг пришло осознание случившегося. Это было как озарение, как удар, как шок. Она, Ана, вошла в запертую ячейку! Или... может, ей все это тоже приснилось? Может, она просто бредила? Ана торопливо развернулась на ложе, подползла ближе к люку, трясясь от величайшего внутреннего напряжения, положила на него руки и... да. Это правда. Она может открыть замок. Не только этот. Любой электронный замок. Это была уже не уверенность. Это было знание.

Ну, что ж, сказала она себе. Здесь это ей пока помочь не может. Из санатория вот так просто не сбежать. Но, кто знает... Свойство полезное.

8

В операционный зал ЦУПа Ана ввалилась вовремя, но совершенно вымотанной с раздираемым болью позвоночником и с отчаянно болящей, ничего уже не соображающей головой. Перед операцией по вживлению контакторов ее предупреждали, что боль в позвоночнике сопровождает интуитивиста всю жизнь и служит даже неким своеобразным указанием на его постоянное совершенствование, но она и подумать не могла, что жизнь станет настолько мучительной. Между тем, работа чистильщика требовала абсолютной сосредоточенности и ясности мышления.

Ана плюхнулась на свой стул, дрожащими руками схватила дужку с сенсорами и торопливо надвинула сенсоры на симбиозные контакторы. При этом она умудрилась зацепить дужкой травмированное ухо и едва смогла удержаться от крика.

В работу пришлось включаться сразу, буквально не успевши перевести дух. В одном из самых проблемных межшахтных соединительных тоннелей на ее глазах возникла и стремительно разрасталась основательная пробка.

Рабочее место чистильщицы помимо мощного компьютера было снабжено голографическим объемным планом шахты. Ана должна была внимательно следить за ползшими по дорогам огоньками – зелеными, это были грузопоезда с обычными грузами, и красными, означавшими, что груз этих поездов либо опасен, либо по какой-то иной причине нуждается в особом присмотре. Проводкой грузопоездов занимались другие управленки. Чистильщица обязана была вмешаться только в случае угрозы возникновения аварий, пробок или любой другой критической ситуации.

Распутать пробку удалось не сразу, и то благодаря тому обстоятельству, что в двух местах тоннель пересекал огромные карстовые пещеры, в которых Ана умудрилась устроить временный отстойник. Наконец движение нормализовалось, и Ана смогла перевести дух. И тут она вдруг поняла, что подспудно нервировало ее все то время, что она возилась с проклятой пробкой. Место дублерши, расположенное слева от нее и до сих пор пустовавшее, было занято какой-то совершенно ей незнакомой санаторкой, бледной, бесцветной как моль, с торчащими вперед крупными желтыми зубами, но – самое главное – наголо обритая голова новой санаторки была украшена стальными контакторами, на которых уютно и привычно устроилась выдавшая виды сенсорная пара. Пристальный взгляд водянистых глаз новенькой, казалось, никакими усилиями нельзя было бы оторвать от голографического плана шахты. Сердце Аны больно сжалось, к горлу подкатил кашель, ее охватила паника. Чудовищным усилием воли Ане удалось с собой справиться, загнать страх внутрь, куда-то на периферию сознания, но каких усилий ей это стоило! Вся одежда ее была пропитана потом, сердце колотилось как сумасшедшее, и никак не удавалось полностью сосредоточиться на работе.

Как на грех, день выдался невероятно тяжелый. Заторы возникали один за другим. Дважды ей пришлось ломать график пассажирских перевозок. Один раз она успела предотвратить столкновение двух грузопоездов, из-за дури диспетчеров центрального узла связи устремившихся в один и тот же тоннель. А под конец рабочего дня по вине диспетчерской службы санации у самых шлюзовых камер образовался новый кошмарный затор, грозивший заткнуть пробкой чуть ли не весь шахтоквартал. Чтобы ликвидировать его, Ана, находясь чуть ли не в полубоморочном состоянии, проделала нечто дотоле вовсе небывалое. На целых десять минут она взяла на себя управление всеми перевозками шахтоквартала, причем все эти десять минут, не стесняясь в выражениях, высказывала управленцам с седьмого (седьмого!.. санационного!..) уровня все, что она думает об их умственных способностях вообще и профессионализме в частности.

Все когда-то кончается, кончилась и эта проклятушая смена. Сил Аны у не было совершенно, ноги подкашивались, одежда была уже не просто мокрой, а пропитанной потом. Одно было приятно – новоявленная дублерша вид имела растерянный и бледный, и смотрела она на Ану с суеверной почтительностью... впрочем, Ана не обольщалась. Новенькая освоится. И быстро.

Санаторки – свободное время уже пошло! – стремительно мчались по коридорам к клеткам. Ана тоже выскочила в коридор, скорее по инерции, чем сберегая драгоценное свободное время для бара, и вдруг, будто споткнувшись, замерла на месте. В тоннеле вблизи от отсека ватерклозетов стоял Он и выглядывал кого-то в толпе, а вокруг него крутился какой-то маленький и подвижный как ртуть мужичонка.

Увидев Ану, Он сделал ей чуть заметный знак глазами, круто повернулся и вошел в клозет-рум. Ана, перепуганная и дрожащая, проскользнула следом. Шустрик остался снаружи.

– Молчи... все вопросы потом, – перебил Он Ану, едва она попыталась открыть рот. – Тебя списали...

Он что-то говорил, но Ана ничего не слышала, все окружающее подернулось какой-то то ли рябью, то ли дымкой, все вертикальные линии вдруг стали двоиться, оплывать, искажаться, и тут она вдруг почувствовала хлесткие шлепки по щекам, возвращавшие в реальность из спасительного небытия. Между ее губами вдруг обнаружилось горлышко фляжки, и в рот хлынула обжигающая жидкость.

– Ну, – успокаивающе бормотал Он ей в ухо, – очухалась? Размазываться, как смазка по шестеренкам, ты не имеешь права. Ты должна бороться. Я принес тебе свободу, свободу и жизнь, понимаешь?.. если все сделаешь как надо, уже завтра ты будешь на воле. Слушай внимательно. Сегодня тебя бросят в карцер. Знаешь, кто такой Черный барон?

– Господин Айно? Конечно, знаю. Я азерка.

– Вот и прекрасно. Он будет сидеть в соседней клетке. По его сигналу откроешь замки в его клетке и в своей. Дальше будешь делать, что он скажет. Быстро, беспрекословно и не задавая вопросов. Сейчас иди в бар, веди себя, как ни в чем ни бывало, и ничего не бойся, я тебя прикрываю.

В его кармане вдруг ожил и заговорил коммуникатор: "Сэш, быстрее, время, время".

– Все поняла?.. Карцер, барон, замки в его и своей клетке. Снаружи вас будут ждать и путь обеспечат. Вот только еще что для полной ясности. Не вздумай появиться одна, очень тебя прошу для собственного твоего блага.

Охотнее всего Ана забралась бы сейчас в свою нору и плюхнулась на ложе, но надо было идти в бар и вести себя, как ни в чем ни бывало. Ее должны были упрятать в карцер, и Он ее прикрывает... но как?.. когда ее схватят?.. кто?.. Покровитель об этом ничего не сказал. Однажды она была свидетелем, так сказать, процесса списания, и запомнила его на всю оставшуюся жизнь. Списанная в тот раз подсанационная была, конечно, редкостной сволочью. Ана и сама, естественно, далеко не ангел, но та была нечто особенное по любым меркам. Однако, что с несчастной сделали насильники-биопы перед тем, как сунуть в карцер, не пожелаешь никому. Все, что от нее осталось, можно было смело швырять под колеса грузопоезда, не затрудняясь запикиванием в клетку. А Ану наверху поджидала Жаба, лесбиянка и садистка. Ана содрогнулась.

Бар, как всегда в это время был переполнен, так что свободен, как всегда был лишь столик у самой двери, первый на пути любого входящего, то есть, естественно, и биопов.

Ана взяла первую из двух причитающихся ей кружек пива и присела за этот свободный столик. За соседним столиком, как обычно держась за руки, сидели Дина из отдела проходки со своим дозиметристом. Парочка торопливо допивала свое пиво, чтобы поскорее слить в ячейку, пока охраннички не перехватили Дину из-под дозиметристового носа. Прецеденты бывали. Эти двое нашли друг друга уже здесь, в санатории, считали себя мужем и женой, и

извальять Дину всеми доступными биопьему воображению способами, да еще на дозиметристовых глазах, считалось среди санитаров самым изысканным “приколом”.

На этот раз влюбленным повезло. Они допили пиво, быстренько сдали кружки киборгу за стойкой и юркнули в проход, ведущий к женским ячейкам. До отбоя было еще целых полтора часа.

Время тянулось невыносимо медленно. Стрелки часов – даже секундная! – просто стояли на месте. Ана сидела как на иголках.

Покровитель – она теперь это хорошо понимала – был человеком Старой Дамы, что навело на тяжкие размышления. Во-первых, из этого следовало, что он не был всемогущим. А во-вторых... с чего она взяла, что после освобождения Айно ее судьба будет кого-нибудь волновать? Обворовала она именно Старую Даму, с какой такой стати люди комтессы должны быть с ней, Аной честны, и о ней, Ане, заботиться?

"У тебя есть выбор, чертова психопатка? – озлилась она на себя, давя и снова загоняя страх на задворки сознания. – Старая Дама, в отличие от тебя, стервы, всегда держит свое слово". О том, что люди комтессы могут и не придерживаться столь строгих моральных принципов, Ана старалась не думать.

Жаба плюхнулась напротив, и стул жалобно заскрипел под ее чудовищным весом. Жаба ухмылялась во весь рот, катая между желтыми, отродясь нечищеными зубами неизменную зубочистку. Вот только глаза. В них не было ни тени улыбки, и ничего хорошего они Ане не обещали.

– Ну, чего, – сказала Жаба, с ленцой растягивая слова, – отпрыгалась, сучонка? Отсуе-тилась? Кранты, пипец, финиш и полный абзац? Всему приходит свое время, свой час, своя минута и секунда. Их нельзя разбазаривать. Вот я и решила тебя малость порадовать перед концом. Побаловать. Из чистого человеколюбия. У меня этого человеколюбия запасы нерас-траченные такие, что ваша Старая Дама отдыхает. На тебя я его и вылью. Оporожнюсь, так сказать. Опростаюсь. Да не трясись ты, желе желатиновое. Ты ведь у нас мазохисточка долбан-ная, и кайф ловишь своеобразно. Вот я тебе его и обеспечу. По полной программе. От души. Кайфуй, наслаждайся, пользуйся моей добротой.

Жаба по гурмански покачала головой.

– Не люблю я мужиков, презираю и ненавижу за никчемность и ненужность, но в одном, следует признать, есть у них существенное преимущество: естественная, так сказать, тактиль-ность процесса! Чувственная насладительность, а не просто как у нас сплошное умозрение. Нет, разодрать тебе все, что надо, я и пальцами могу, я даже кончу при этом, но ведь у них-то, сволочей... а, ладно, не будем о неприятном. – Жаба вдруг замолкла, вскочила, опроки-нув стул, окаменела лицом и вытянулась по стойке смирно. Перед их столом стояла непонятно когда и как подкрававшаяся тройца в черных мундирах санаторов с седьмого уровня. Безопас-ность. И все трое – офицеры, причем старший аж в чине старшего лейтенанта. Ужас.

Ана тоже вскочила и вытянулась в струнку. Лейтенант несколько долгих мгновений гип-нотизировал Жабу взглядом, потом спросил, кивнув подбородком на Ану:

– Подсанационная Стеклофф?

– Так точно, – пролаяла Жаба.

– Что же ты, старший фельдшер... как бы это выразиться... бездарно, сказать тебе, рабо-тала языком? – сказал лейтенант, как показалось Ане, не без издевки в голосе. – Язык-то свой могла бы и получше использовать. Сама же говоришь, что всему приходит свое время, свой час, своя минута и мгновение... их не годится разбазаривать.

И тут Ана испытала ни с чем несравнимое огромное облегчение.

9

Когда по тоннелю в первый раз прокатилась волна света, а внизу с ревом одна за другой пронеслись машины грузопоезда, Ана метнулась в угол клетки и, рухнув на пол, судорожно вцепилась руками в составлявшие его толстые металлические прутья.

Она так и сидела теперь в углу клетки, не выпуская из рук прутьев пола, вцепившись в них руками. Она знала, что пол клетки откидывается автоматически, как только перестает биться сердце узника, но ничего не могла с собою поделать. Разгулявшееся воображение буквально в красках рисовало ей жуткую картину, как где-то там, в управленческих румах санатория, Жаба медленно крадется к некоему пульта и, плотоядно облизываясь, тянет толстый кривой палец к маленькой зеленой кнопке...

Ее засунули в спецтоннель, предназначенный для вывода на поверхность опасных и радиоактивных грузов, и Ана судорожно боялась теперь только одного – чтобы их с Черным бароном не поместили в разные тоннели.

Ана, которой в прошлом много раз приходилось иметь с этим тоннелем дело, пусть и в виртуальном варианте, прекрасно знала, как его расположение, так и частоту движения по нему грузопоездов. Шли они с периодичностью примерно в двадцать минут. Так что ей было совсем несложно подсчитать время своего карцерного заключения. Она сидела в клетке уже четвертый час. Одна.

Соседние клетки, насколько она успела рассмотреть во время прохождения грузопоездов, были пусты. Черного барона нигде не было видно, скорей бы уж его привели, в конце-то концов! Ана как молитву повторяла про себя одни и те же слова: "Гнездо не бросает своих в беде, Гнездо не бросает своих в беде...". Потом ей пришла в голову еще более ужаснувшая мысль: а вдруг Черного барона вообще передумали сажать в карцер?

Лязг металла и тяжелые шаги в соседней клетке прозвучали для нее слаще любой музыки. Когда санаторы, приведшие нового заключенного, удалились, Ана спросила внезапно севшим голосом:

– Господин барон, это Вы?

– Я, девочка, я. И зови меня попросту Айно, пожалуйста. Мы же с тобою не в строю. Ты меня еще генералом называй, щелкай каблуками и спрашивай разрешения обратиться, – весело рассмеялись в соседней клетке.

Ана нервно хихикнула.

– Ну, сумеешь открыть в наших клетках замки? – спросил сосед.

Добродушный и какой-то очень домашний голос Айно подействовал на Ану самым благотворным образом. Страх ее волшебным образом испарился, она совершенно успокоилась и даже нашла в себе силы шутить.

– С полпинка. Хотите, я сейчас репетицию устрою?

– А вот этого не надо, – поспешно сказал Айно. – Ни в коем случае. Зачем нам раньше времени поднимать тревогу в санатории? С момента, когда ты откроешь клетки, у нас с тобой будет максимум четверть часа, чтобы добраться до места пролома тоннеля. А с момента, когда будет взорвана крыша тоннеля и сделан этот самый пролом, время вообще пустится вскачь. Просто будь готова, и все.

– А... как? Как мне быть готовой?

– Когда увидишь, что головная машина мигает фарами, вот тогда и будь готова. Но открывать только по моей команде. Прыгать надо будет ей на крышу... сумеешь?

– Уж как-нибудь.

– Ты, пожалуйста, поаккуратнее. Я, конечно, постараюсь подстраховать, но ты уж и сама постарайся. Не хватало только тебе что-нибудь сломать или вывихнуть.

– Бросите?

– Бросить, конечно, не бросим, но задачу ты нам тогда основательно осложнишь.

Черный барон был, как выяснилось, очень неплохим психологом. Все оставшееся время они провели в легкой болтовне – так, ни о чем. Ана совершенно успокоилась и расслабилась, так что когда за очередной волной света в тоннеле показалась машина с мигающими фарами, Ана какие-то мгновенья благодушно пялилась на нее, пока осознание, – вот оно! пора! – не хлестнуло по нервам и жаркой волной не залило все тело.

Грузопоезд накатывался медленно, гораздо медленнее, чем все поезда, проходившие по тоннелю до сих пор, и Ана живо представила себе, как насторожилась сейчас старшая чистильщица, не понимая, что тут в тоннеле происходит. Головная машина подкатила прямо под клетки, мерзко вякнула клаксоном и остановилась вообще.

– Пора! – возбужденно крикнул Айно. – Открывай.

Запоры лязгнули, пол стал ускользать из-под ног. Ана мягко оттолкнулась от него и прыгнула прямо на огромную плоскую крышу передней машины. К счастью, было совсем невысоко, и прыжок не составил для нее ни малейшего труда.

Рядом в крышу с грохотом впечатались сапожищи Айно, и Ана запоздало содрогнулась: как это бедная крыша смогла выдержать такой удар – сколько же он должен был весить, мужик двухметрового роста с азерской поверхности, да еще по горло накаченный стероидами. Бедная машина.

Перед машиной, между тем, ужом подпрыгивал и крутился давешний живчик, которого Ана видела с Покровителем у клозет-румов.

– Да скорей же вы, – орал живчик, срываясь на визг, – чего копаетесь, черт бы вас...

Айно спрыгнул на пол тоннеля, в воздухе перехватил лихо прыгнувшую следом Ану, и с прежним добродушием пробурчал, бережно ставя ее на ноги:

– Ну-ну, все в порядке, мы все тут. Побежали.

И помчался по тоннелю, задав такой темп, что и живчик, и Ана должны были напрягать все силы, чтобы не отстать.

Тоннель был прямой, как стрела, так что взрыв они увидели издалека. Взрыв, очевидно, был направленным, поскольку ощутимой взрывной волны они так и не почувствовали. Так, некий воздушный толчок. И теперь перед ними маячило светлое пятно там, где оказалась пробита крыша тоннеля, выходящая на поверхность планеты. Это пятно будто придало им силы. Они помчались еще быстрее и, наконец, вот оно... на самом верху, под верхним сводом. Даже Айно при всем своем гигантском росте не сумел бы до него дотянуться.

Айно ухватил шустрика обеими руками за талию, явно намереваясь подбросить его к отверстию в стене.

– Сумеешь ухватиться?

– А то! – сказал шустрик заносчиво, но в это время в проломе показались какие-то веселые физиономии, раздались приветственные вопли и вниз из пролома свесились сразу две веревки с петлями на концах и основательная веревочная лестница, перекладыны у которой были, впрочем, стальными.

– Айно, – орали сверху, – ты лезь по лестнице. Тебя, бугая, мы всем скопом поднять не сможем.

Шустрик, будучи уже опоясан веревкой, с шиком скомандовал наверх: "Вира помалу! "

Ана торопливо пропустила петлю подмышками и тоже закричала "Вира", хотя и не вполне отчетливо понимала, что это слово означает. Буквально через минуту все беглецы были уже наверху на поверхности планеты.

Впритык к пролому была подогнана открытая транспортная платформа на воздушной подушке, явно "позаимствованная" у спускаемого модуля какого-нибудь болтающегося на

орбите конвертоплана Объединенных компаний. Тут же неподалеку вращались винты винтокрыла без единого опознавательного знака на борту.

На шее у Айно буквально повисли два похожих друг на друга как две капли воды нехилых рыжих бугая... очень даже не хилых, но смотревшихся рядом с гигантом бароном совершенно несерьезно. По всей видимости, это были знаменитые "рыжики" – близнецы, выполнявшие щекотливые поручения Старой Дамы, и приводившие в немалый трепет ее врагов.

– Мы сделали это! – орали "рыжики" в совершенном восторге. – Мы им вставили! Где эта милая девушка, которая так хороша по части замков?! Немедленно предъявите для на предмет в щечки расцеловать!

– Целоваться будете потом, – орал пилот винтокрыла. – Кто летит в Гнездо?

– Команда обеспечения – марш в винтокрыл! – завопил один из рыжиков, до самого конца Ана так и не могла отличить одного из них от другого. – Айно, Ана и мы с братом садимся на платформу, модуль заждался. Айно, ты пока в Гнездо не летишь. Ты с нами, на Фифти-на-пятьдесят. Там снарядим пару-тройку посудин, без твоих консультаций нам на этом этапе не обойтись. Дело трудное и черт знает как опасное. Хозяйка на нас на всех надеется. Подвести ее мы не можем, сам понимаешь. На Райне пока потелепается твой фантом, у него есть сколько-то времени для жизни. А после ты в истинном теле пойдешь доустанавливать колонию на Райне, а с нами на Рибартон пошлешь фантом свеженький. С иголки, так сказать.

На Рибартон? – невнимательно удивилась Ана, вскарабкиваясь на платформу вслед за остальными. – А черта ли им всем делать на Рибартоне?.. и вдруг обмерла. Ну, конечно же... конечно! Имперская экспедиция! Награды! Флагман экспедиции так и остался на этой чертовой планете. А на нем дикое количество наградных банковских карт, серебряных, золотых и даже платиновых! Это деньги. Деньги! Уйма, масса, чертова прорва денег. Протяни руки и бери, сколько сможешь унести. Старая Дама нуждается в деньгах, чтобы продолжить свою борьбу и прочие всякие заморочки с собственным Советом Координаторов... а ей, Ане, разве не нужны деньги, раз свободу она уже обрела? Десяток-другой платиновых карт – и ее жизнь в Старых Мирах будет не лишена известной приятности. Следовательно, есть резон присоединиться к этим мальчикам именно сейчас, так сказать, на волне эйфории.

– Эй вы, обормоты! – орал пилот винтокрыла. – Платформа у вас открытая. Вы там поосторожнее. Я, когда летел, видел несколько стай крыс и гамадрилов. Оружие подготовьте и глядите в оба.

Винтокрыл сорвался с места и в мгновение ока исчез из вида.

– Модуль далеко? – спросил Айно, ни к кому в особенности не обращаясь.

Платформа с шипением встала на воздушную подушку и, наращивая скорость, заскользила по склону холма

Как бы мне napроситься лететь вместе с ними? – думала Ана. – Под каким таким благовидным предложением?

Однако ситуация раскрутилась сама собой к ее полному и совершенному удовлетворению.

– Ана, девочка, – обратился к ней Айно, будто бы спохватившись. – Насколько я знаю, на твой счет госпожа комтесса распорядилась поместить некую сумму денег. Правильно? – обратился он к ближайшему "рыжику", рыжик кивнул, – Вот видишь. Но, сама понимаешь, вести себя тебе сейчас нужно осторожно. Тебя непременно заявят во всеимперский розыск. Я предлагаю тебе сейчас лететь с нами на Фифти-на-пятьдесят, это такая база, бывшая заправочная станция для звездолетов на фотонной тяге. Теперь на ней обосновалась всякая космическая вольница, суший притон контрабандистов, и таких беглецов, как мы с тобой там – каждый второй. Ну, на месте уж и сориентируешься, как тебе быть дальше. Пластическую операцию на "Фифти" сделать даже не пара пустяков, а половина пустяка. Что касается госпожи комтессы,

то я от ее имени могу тебя заверить, что с сегодняшнего дня у нее к тебе претензий нет. Ну, так как? Летишь с нами?

– Конечно! – воскликнула Ана в восхищении.

Глава вторая

1

Первое открытое вооруженное столкновение не заставило себя ждать.

Случилось так, что оно совпало с заседанием – причем, по замыслу Старой Дамы, последним – того, что она теперь называла своим военным советом. Участвовали в совете все, правда, большинство участников присутствовало в фантом-контактах. В истинных телах большинство сподвижников Старой Дамы находились вне Гнезда и даже не на Азере, и занимались они задачами, требовавшими для своего решения более девяти дней.

Совет начался с рассмотрения текущих дел. Обсудили состояние финансов – на сегодня плачевное! – и финансовые прогнозы на будущее. Выслушали доклады с Райны. Там дела шли неплохо. Компактного поселения азерцев – эмигрантов удалось добиться, и помощи оружием для организованных фантомом Айно боевых отрядов тоже. Обещана была поставка Гнезду ракет класса "земля – воздух" в долг, а нужду в этих ракетах Айно предрекал большую. О делах, которыми занимался сам Айно с рыжими близнецами, Старая Дама распространяться не хотела, имея в виду особую деликатность порученной им миссии. Чувствовала она себя хуже некуда, новый фант в компьютер записать никак не успевала, да еще и от Айги, посланного за племянником в Столицу, известий никаких не поступало. Надо было посылать кого-то еще, посланец должен был добраться до Рекса наверняка, никто, кроме близнецов, в голову не приходил.

Когда все текущие дела были обговорены, Старая Дама встала и внимательно оглядела соратников.

Шум в зале мгновенно смолк. Присутствующие насторожились и, как по команде, повернулись к комтессе.

– А теперь, дорогие друзья, я должна обговорить с вами кое-какие соображения стратегического плана.

Когда Старая Дама умолкла, соратники обменялись ошеломленными взглядами. Как об окончательно принятых решениях она объявила о назначении наследником и соправителем своего племянника Рекса Азерски, а также о желании с сегодняшнего дня остаться в Гнезде одной.

Ее речь была встречена гробовым молчанием.

– Рекс, я надеюсь, будет моим соправителем с резиденцией вне Гнезда, – говорила Старая Дама. – Именно для него Вы, барон, и готовите сейчас нашу запасную, точнее, дополнительную базу на Райне. Вы же будете ее комендантом до появления Рекса. Райане, с их отказом от услуг Объединенных Компаний и, мягко говоря, нелюбовью к бывшей метрополии, становятся сейчас нашими естественными союзниками... Ну, так и в чем дело? Что вы сидите со скорбными лицами как... – она споткнулась на полуслове, но, справившись с собой, решительно закончила, – как на похоронах?

Соратники, переглядываясь между собой, старательно прятали от комтессы глаза.

– Мы выстроили самую мощную оборону, на которую только оказались способны – продолжала Старая Дама. – Для ее функционирования люди здесь не нужны. Между тем, Гнездо в ближайшее время, вот даже в эту самую минуту может оказаться втянутым в военный конфликт. Тогда оно окажется в такой плотной осаде, что из Долины даже крыса не сумеет высунуть носа. Вне Гнезда вы будете значительно полезнее для дела.

Старая Дама оглядела соратников и остановила тяжелый взгляд на фантом-Айно.

– Все мы ждали такого решения, – сказал Айно. – Но Рекс Азерски... Он один из старших офицеров Корпуса Пространщиков, и он...

– Это не новость для меня, – с сарказмом перебила его Старая Дама.

– ...он интуитивист, – пробормотал фантом.

– Боже мой, барон, как Вам не стыдно. По крайней мере, у шестерых из здесь присутствующих на висках красуются контакторы. В том числе, и у Вас, между прочим. Все оконтакторенные со временем становятся интами, и Вы сами это тоже уже почувствовали, разве нет? В конце концов, интуитивизм есть, повидимому, всего лишь аномально развитая эмпатия. Как у собаки. Инт способен более или менее безошибочно распознавать незаметные для обычных людей проявления чувств. Пусть даже их тончайших оттенков. Образно говоря, в этом смысле интуитивист есть нечто вроде человека со встроенным детектором лжи. Это правда. Но вам-то что бояться?

– Видите ли, сударыня, эмпатия – это, конечно... но господин Рекс ... он... судя по слухам... Вот вы говорите – эмпатия. Какая эмпатия? Мои ребята взломали кое-какие сайты в компьютерах санации. Разведка из Столицы доносит, что он читает мысли. Поймите меня правильно, мне нечего скрывать, но кому захочется, чтобы кто бы то ни было, и уж тем более сюзерен, копался в вашем мозгу? У Вас нет контакторов, сударыня, Вам это трудно понять.

Старая Дама улыбнулась.

– Сударь мой, вспомните, что я сказала Вам, когда вы советовали организовать в Гнезде службу безопасности.

Фантом уставился на нее широко раскрытыми глазами.

– Так вот, я сказала, что сама себе безопасность. Согласитесь, я была достаточно эффективна в этом смысле. Как Вы думаете, почему?

– Вы хотите сказать...

– Да. Вот именно. Я тоже интуитивистка, причем довольно сильная. Не буду вдаваться в дальнейшее теоретизирование. Скажу лишь, что ни один интуитивист, насколько я знаю, не берется объяснить, каким путем приходит к нему решение задачи. Просто наступает озарение, и горе тебе, если ты его проигнорируешь. Вы в этом имели случай убедиться лично, не правда ли? Ну а пресловутое "чтение мыслей" есть несусветная чушь и глупость, мыслящего человека недостойная... наверное.

– Ну, не знаю, – пробормотал фантом-Айно. – Что касается Малыша, простите, господин Рекса, то старый Айга рассказывал о нем такое, что ни в какие теории уложиться не может и любые донесения заткнет за пояс. Но Вы, сударыня, не думайте, что мы против господина Рекса что-нибудь имеем. Нет. Да и в любом случае Ваше решение для нас закон. Это просто от неожиданности. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что нас всех больше заботит Ваше решение остаться в Гнезде одной. Это чрезвычайно опасно.

– Что ж, я ценю и принимаю вашу заботу о моем брэнном существовании, – в голосе Старой Дамы явственно прозвучали непонятные присутствующим саркастические нотки. – Однако прошу учесть, что в дуэте соправителей активная роль достанется Рексу. Именно ему потребуются верные люди. Причем все.

Фантом-Айно поднял руки.

– Насчет Рекса – это, скорее всего... да что там, безусловно, это верное решение. Но оставаться в Гнезде одной? Я полагаю, что люди, хорошо знающие основные принципы построения обороны, в критическую минуту могут оказаться тут очень кстати.

– Вы, например, – хмыкнула Старая Дама. – Прекратите, Айно. Вам не к лицу подобные хитрости. Я уже сказала, что Рексу потребуются все верные люди. Ну а если возникнет обстановка, с которой компьютеры не смогут справиться, это будет означать лишь одно – Гнездо обречено. Да и как только начнет функционировать запасная база во главе с Малышом, нападение на Долину потеряет всякий смысл. Кроме того, при необходимости мы всегда можем

организовать появление в Гнезде фантома любого из вас... кстати, почему это мне никто не докладывает о судьбе девочки, ну, которая открывала в карцерах замки? Она, конечно же, воровка, и все такое, но она спасла Вас, Айно, и мы обещали ей свободу, безопасность и кое-какие деньги. Надеюсь, мы выполнили свои обязательства, и с нею все в порядке?

Айно и близнецы смущенно переглянулись.

– Что такое? – нахмурилась Старая Дама. – Что это еще за смущение нарисовалось на ваших лицах, господа? Как это прикажете понимать? Вы нарушили данное мною слово?

Айно вскинул руки в резком отстраняющем жесте.

– Ни в коем случае! Просто стыдно признаваться, что девчонка обвела нас вокруг пальца, как несмышленьшей каких-нибудь. Но тут уж... воровка она и есть воровка. Воровка ворует, даже если украденное ей нахрен, простите, не нужно, из любви к искусству ворует. Горбатого только могила исправит.

– Объяснитесь, – холодно сказала Старая Дама.

– Оставлять ее на Азере было никак нельзя. Ну, непорядочно, что ли. Мы-то сами собирались немедленно лететь на Фити-на-пятьдесят, это самое удобное место для подготовки эскапад вроде экспедиции на Рибартон, и все такое. Понимаете, сударыня, мы только что вырвались из плена, все прошло совершенно замечательно и более чем удачно. Я не оправдываюсь, я просто объясняю: мы были радостные и счастливые до полного обалдения, эту Ану воспринимали уже как полноправного члена команды, как свою. Ну, вот, на радостях и предложили захватить ее до "Фифти", а там, мол, и разбежимся в разные стороны.

Айно почесал в затылке и смущенно пожал плечами.

– Продолжайте. Я слушаю.

– Дело в том, что за эти несколько дней она умудрилась поставить себя так, будто всю жизнь была нашим товарищем, соратником и, вообще, своя в доску. Никаких постельных поползновений с ее стороны, а вот именно что товарищем и соратником, – поспешно добавил он, взглянув в лицо комтессы.

– Значит, с чьей-то другой стороны постельные поползновения все же имели место? – невольно усмехнулась комтесса. Оба "рыжика" дружно и совершенно синхронно потупились.

– Я и говорю, что тщетные, – продолжал Айно. – Она этих поползновений в упор не замечала, хотя, если честно, некоторые, не будем показывать пальцем, кто именно, просто из кожи вон лезли и отпихивали друг друга локтями.

Присутствующие, для которых все происшедшее явно никакой тайны не составляло, ехидно хихикая, уставились на близнецов. Старая Дама уже без улыбки покачала головой.

– Интересная, наверное, была картина. Жаль, самой увидеть не довелось.

Близнецы, опять-таки совершенно синхронно забормотали что-то невнятно-возмущенное, однако Старая Дама одним движением пальца пресекла наметившееся веселье и взглядом предложила Айно продолжать.

– В общем, девочка вела себя совершенно безупречно. На Фити-на-пятьдесят она не только не отвалила в сторону, но оказалась нам чрезвычайно полезна, хотя мы еще в дороге передали ей банковскую карту с вполне приличной суммой сверх вашего. Она взяла в свои руки фрахт судов обеспечения и весьма в этом деле преуспела.

– И нечего тут презрительно коситься! – заполошно махали руками близнецы. – Это сейчас все тут такие умные задним умом. Что-то когда она там фрахтом занималась, ни одна душа нам никаких замечаний не делала про ее бесконтрольность, и все такое. Дел было невпроворот, и надо было спешить. А мы за счет высвобожденного времени добыли для Гнезда ракет, и обеспечили их контрабандную доставку сюда на судне Объединенных Компаний, между прочим. Если бы она не занималась фрахтом, хрен бы мы нашли для этого время.

– Словом, получилось так, что все мы считали ее уже совершенно своей, я же говорю. Само собой разумелось, что она летит с нами к Рибартону. Она и полетела, хотя, если честно,

были у меня на этот счет смутные сомнения, вот только я, дурак, опять им не поверил. Стыдил даже себя – что ж это ты, сукин сын, совсем шизанулся со своей подозрительностью? Девочка, мол, старается, из кожи вон лезет, а ты... наступил, короче говоря, на те же самые грабли, что и прошлый раз, в космопорте.

Айно смущенно умолк.

– Дальше, дальше.

– Ну, что дальше... Дальше получилось такое, что после каждый готов был себе собственноручно физиономию в кровь расколошматить.

– Вы продолжайте, продолжайте.

– Я и продолжаю. На Рибартон мы корабли не сажали. Как в свое время великий Айвен, мы их оставили на орбите, вниз ушли на орбитальном боевом флаттере. Ума не приложу, как это он тогда на своем неуклюжем челноке, да без посадочных полос... – Айно вздохнул, – ну, не в этом дело, да... Короче говоря, вниз ходили одни мужики. Она, впрочем, и не рвалась на поверхность, так что в этом смысле особо дергаться не приходилось. Основная нагрузка легла на рыжих, я-то был в фантоме, а Вы, сударыня, работу в фантоме сверх положенного срока не приветствуете... это если сказать мягко. Все, что надо, парни сделали, ящик притащили.

Со стороны близнецов послышалось подавленное фырканье.

– Не надо фыркать, – сварливо отозвалась Старая Дама, – и Вы, Айно, зря так старательно перекладываете все заслуги на этих двух оборотов. Или Вы полагаете, что я не умею считать до десяти? Я вполне способна уяснить себе, в каком именно дне существовал тогда Ваш фантом. Мы об этом после поговорим подробнее, а пока рассказывайте, друг мой, рассказывайте.

– Собственно, это все. Подняли мы на корабль ящик, поздравили друг друга радостно и отправились назад, на поверхность, собирать оборудование. А когда вернулись, глядим – Аны нет, ящика с нашей добычей тоже нигде нет. И времени у моего фантома уже тоже нет, то есть, ну... да. Но пришлось снова спускаться на Рибартон и делать всю работу сначала и сверхударно. Вот тут-то нам и досталось по самое "не могу". Все, что было на первых спусках, это, как оказалось, цветочки. Еле ноги унесли. Так что птичка за это время тю-тю, смылась птичка.

– Не поняла. Как, то есть, смылась? Корабль на месте, а ее нет?

– Именно так. Видно, она это с самого начала планировала, и когда фраговала на Фитина-пятьдесят вспомогательные суда, то и для себя зафрахтовала посудину, которая болталась где-нибудь поблизости, ждала сигнала. На кой черт ей этот ящик сдался, я не знаю, хоть стреляйте в меня в упор из кривого игломета. Разве если только ей было все равно, что воровать. Просто хотела показать нам всем, что мы перед нею дураки и лохи, что обдурить нас ей раз плюнуть, прикольно и весело. Затаилась, выждала какое-то время, чтобы мы убрались с корабля на планету, а дальше... Судьба ее дальнейшая нам неизвестна. Однако же, исходя из того, что именно она сперла, вряд ли счастливая эта ее судьба. Икрой скрыплов ящик был забит под завязку, а что хранить ее надо в холоде, так откуда ей это было знать? Что делать, сама такую выбрала. Альтернативы этому выбору у нее имелись... хотя и жаль дуреху, если честно.

– Нет! – запальчиво завопили, перебивая друг друга, близнецы, – может, кому эту предательницу и жалко, а нам – категорически! Что бы с нею ни случилось, все она это заслужила сполна. Лишь бы невинные люди от этих ее приколов не пострадали, а то...

И в этот момент неожиданно громко заговорил компьютер.

"Винтокрылы над Скалистым хребтом, мадам, – сказал он. – Пожалуй, это боевая тревога. Да. Не иначе, как боевая тревога, мадам"... так что судьба хитроумной Аны Стеклофф тут же перестала присутствующих занимать, и последний вопль кого-то из близнецов: "... туда ей и дорога, стерве, не жалко, если сдохла..." безответно повис в воздухе.

На стенах кабинета вспыхнули многочисленные обзорные экраны. По экранам качнулось, настраиваясь, панорамное изображение Долины Предков. Скалистый хребет и русло Пульсарки придвинулись вплотную.

– Вот они, смотрите, вот! – возбужденно крикнул кто-то.

Несколько винтокрылов летело параллельно реке. Это были тяжелые, хорошо вооруженные машины. Оповестительные знаки на них были небрежно замазаны белой краской. Однако, по крайней мере, две машины, державшиеся чуть ниже остальных, были пузатыми транспортными карами, единственным возможным владельцем которых могли быть лишь Объединенные Компании Старых Миров.

– Что это? Атака? – спросила Старая Дама, не отрывая напряженного взгляда от экрана. Все молча повернулись к Айно. Фантом подчеркнуто небрежно пожал плечами.

– Детский сад, – процедил он сквозь зубы. – Чертовы дилетанты. За кого они нас здесь принимают?

– Вот сейчас мы все и увидим, – лихорадочно бормотала себе под нос Старая Дама, – вот сейчас...

Винтокрылы проплыли над Скалистым хребтом и развернулись над водопадом. Верхние машины веером рассыпались в стороны, прикрывая десантные кары. Кары пересекли реку и, надсадно гудя винтами, зависли над берегом. Чрева их распахнулись, но вместо ожидаемых боевых глидеров на воздушной подушке, вооруженных спаренными лазерными пушками, и длинных десантных ботов оттуда выскользнули и устремились к Гнезду здоровенные ракеты класса воздух – земля.

Гнездо ответило ударом чудовищной силы. От взрывов ракет на мгновение ослепли экраны. Когда изображение появилось снова, оно зафиксировало лишь пылающие обломки и единственный уцелевший винтокрыл, пытавшийся скрыться за Скалистым хребтом. Винтокрыл был уже вне владений Старой Дамы. Огонь с земли по нему не велся. Однако шлейф черного дыма, тянувшийся за этой машиной, показывал, что и ей тоже крепко досталось.

Винтокрыл двигался странными рывками и поминутно клевал носом. Где-то в районе водопада он сорвался в штопор и исчез в ущелье.

Кабинет взорвался торжествующими криками. Все возбужденно орали, смеялись, колоутили друг друга по спинам, не разбираясь, по истинному или по псевдотелу приходится дружеский тумак.

Старая Дама распорядилась принести игристое вино. Некоторое время соратники – все, фантомы тоже – дружно хлопали пробками, разливали по бокалам искристый напиток. Шум постепенно смолк. Все смотрели на Старую Даму.

Старая Дама с гордостью оглядела своих людей.

– Айвен Азерски делил вассалов на две... как это... ну, два типа, что ли, – сказала она, – на вассалов духа и кулака. Вассалы духа, по его мысли, друзья сюзерена. По отношению к ним, комты всего лишь первые среди равных. А вот вассалов кулака он считал, нет-нет, конечно же, не рабами, но слугами, признающими только силу и подчиняющимися силе. Я, урожденная Калерия Старкофф, волею судеб поставленная во главе клана Азерских, счастлива и горда тем, что окружена вами, друзья мои. Я не верю, а знаю, что такой же монолитной стеной вы встанете за спиной Рекса и защитите нашу прекрасную планету от гнусных шакалов и мародеров, в которых, в конечном итоге, вырождается любая прислуга. Да здравствует Азера! Да здравствует ее законный комт – Рекс Азерский! Да здравствуете вы, друзья мои!

Старая Дама осушила бокал и, по древнему обычаю своих земных предков, швырнула его в стену, чтобы после такого тоста никакие другие над этим бокалом уже никогда не могли быть произнесены.

– Да здравствуют комты Азеры! – дружно взревели присутствующие, и кабинет наполнился звоном вдребезги разбиваемого драгоценного стекла.

Старая Дама нагнулась к уху своего военного советника.

– Ведь это была не атака, правильно, Айно?.. Не атака?.. Это было... такая штука называется "разведка боем", их интересует дислокация наших батарей... правильно?

Айно усмехнулся и, соглашаясь, прикрыл глаза.

2

Вагон со скрежетом вписался в поворот. Сквозь шатнувшуюся толпу Рекс Азерски снова поймал на себе жесткие взгляды биопов. Охота велась всерьез. Было совершенно очевидно, что преследователи поджидали лишь удобного случая, чтобы покончить с ним одним ударом.

Очевидным было и то, что охотились за Рексом отнюдь не дилетанты. В другой обстановке Азерски мог бы попробовать определить, жизнь его была им нужна, или конвертор. Но в скученной и раздраженной толпе пассажиров сделать это нечего было и пытаться. Едва Азерски позволял себе чуть-чуть приоткрыть психику, как его тут же захлестывало сущее море безадресной и беспричинной злобы, ненависти всех ко всем и каждого к каждому. А может быть, преследователей интересовало послание тетушки?

Судя по всему, ждать этого самого "удобного" случая оставалось совсем недолго. В вагоне то и дело гас свет, и сзади, в темноте, тотчас начиналась энергичная возня. Биопы пробивались сквозь толпу поближе к Азерски. Рядом они должны были оказаться задолго до остановки.

Рекс прекрасно понимал, что не может рассчитывать на поддержку окружающих. Рослый, загорелый, да еще и с золотыми контакторами на висках, он был втройне чужак в серолицей толпе горожан. Правда, преследователи тоже не были своими. Это были мальчишки с поверхностью, к тому же биопы, от них за версту смердело спецслужбами, но тем меньше оснований для окружающих было вмешиваться не в свое дело.

Еще задолго до экспедиции Азерски вдруг почувствовал себя объектом чьего-то пристального, липкого и корыстного интереса, имевшего к тому же некий гнусный собственнический оттенок. Ничего конкретного, ничего определенного, это были именно ощущения, причем на грани восприятия даже для его изошренной психики. Главное было в том, что эти ощущения не обещали ему впереди ничего хорошего.

Потом было происшествие на Астрее. Как его ни квалифицируй, считай его покушением или диверсией, лично для Рекса оно в любом случае должно было окончиться смертью. Ну а после приземления конвертоплана в столичном космопорте все вообще пошло наперекосяк и окончательно запуталось.

Несмотря на строжайшее распоряжение шефа, Азерски совсем не собирался немедленно мчаться в Корпус. Дело было вовсе не в том, что он хотел прийти в себя после экспедиционных передраг. За время работы в Корпусе он привык философски относиться к происшествиям подобного рода. Просто им были задуманы некие переделки в своей столичной жилой ячейке, невозможные без применения конвертора. А заполучить этот самый конвертор в бесконтрольное пользование вне экспедиции было бы, мягко говоря, затруднительно. К тому же, очень уж ему не нравился слишком пустынный эскалатор, ведущий к ВИП-выходу из космопорта. Поэтому, к счастью для себя, он решительно миновал его, и направился к стойкам регистрации для рядовых граждан.

Однако едва Рекс, проделав необходимые формальности, отошел от таможенной стойки, дорогу ему преградили два абсолютно одинаковых ярко рыжих и очень лохматых субъекта, внешний вид которых просто кричал о том, что прибыли они с весьма отдаленного пограничного мира.

– Господин Азерски?.. Господин Рекс Азерски?.. – явно риторически осведомился один из них.

– Чем могу быть полезен? – спросил Рекс, невольно останавливаясь. Однако задавший вопрос субъект тотчас отвернулся и стал внимательно рассматривать окружающих. Второй, пробормотав что-то вроде: "Минуточку", полез рукой во внутренний карман куртки.

Рекс резко качнулся вперед, блокируя руку незнакомца.

– Нет-нет, что Вы, – тихо сказал тот, даже не пробуя сопротивляться. – У нас к Вам послание от Старой Дамы.

Рекс не сразу понял. Послание от тетушки? Что за чепуха... Незнакомцы стояли спокойно, расслаблено, причем второй по-прежнему демонстративно оглядывал окружающих.

Рекс осторожно прощупал их эмоции: ни злобы, ни повышенной агрессивности. Впрочем, если перед ним были профессионалы, это ровным счетом ничего не значило.

– Только без глупостей, – предупредил он, освобождая руку незнакомца. – Что за послание? Разве у нас не работает электронная почта? Разве запрещены фантом-контакты?

– Старой Даме лучше знать, что делать, – незнакомец был предельно серьезен. – Она велела передать письмо любой ценой. Чему Вы улыбаетесь, сударь мой, ведь Айга-то, видать, до Вас не дошел? Нам всем не впервой рисковать для Старой Дамы своей шкурой. И дело не в деньгах... не только в деньгах. Просто госпожа комтесса такой человек.

Рекс принял конверт и рассеянно спросил, заталкивая его во внутренний карман куртки:

– Ну, и как она там?

– Трудно, – ответил посланец. – Вы же знаете, что у нас творится.

Рекс неопределенно пожал плечами. Конечно, до него доходили кое-какие слухи, но ничего достоверного ему не было известно.

Связь с тетушкой прервалась уже давно и, по совести говоря, виноваты в этом были обе стороны. Смерть дяди на операционном столе потрясла юного Рекса до глубины души. Он не мог отделаться от чувства вины. Предстать перед убитой горем тетей с контакторами на висках было выше его сил.

Эфир в те дни был полон восторгов по поводу достижений научно-биологической революции. Симбиоз мозга и компьютера, их полное взаимное слияние делало человека чуть ли не богом, а первое место, где это содружество нашло быстрое и эффективное применение – космонавтика – было для него невероятно притягательно. Он воображал себе, как предстанет перед тетей овеванным, подобно своему легендарному предку, неувядаемой славой. И вот тогда она поймет, что жертва дяди не была напрасной... и так далее. Конечно, это были наивные и глупые детские мечты. Тетя же, похоже, расценила его поведение просто как черствость, бездушие и махровый эгоизм.

– ...на поверхности почти что никого уже и нету, – продолжал, между тем, посланец. – Кто побогаче, уезжают с планеты, куда глаза глядят. Остальные спускаются под землю, в Город, деваться-то некуда. Иные опомнились, да что ж теперь делать? Хотели благ цивилизации – нате, жрите гидропонное дерьмо, играйтесь в электронные цапки, но под землей, как червяки в яблоке, под землей, без солнца, без свежего ветра, без чистой живой воды. И все-таки многие не продают свои земли Компаниям, хоть бы и за большие деньги. Отдают по дешевке госпоже комтессе. Даже дарят некоторые, потому что Старая Дама в своих владениях шахт рыть не позволяет и дороги строить не дает. И люди верят, что она будет стоять до конца.

Посланец покосился на виски Азерски и вздохнул.

– Научно-биологическая революция. Прогресс и все такое. Да только правильно Старая Дама говорит – с чего бы это вдруг такая о нас забота, да и о нас ли? Грабеж это, а не прогресс. Что ценное – вывозят под метелку. Чуть ли не всю планету изрыли, как кроты. А где не изрыто, там завалено отходами. Дышать без респиратора во многих местах уже просто невозможно. Под дождь попасть не приведи господь даже в защитном костюме. Сплошная кислота. И так все это представляют, что, мол, в наших же интересах. Благодетели! Вот говорят: Земля. Райское место, прекрасная курортная планета для богатеев... ну, не знаю, может, Земля и на самом деле есть, а не легенда, только мы с братом ничего лучше Азеры не видели. А эти гады завезли черт знает откуда всяких монстров, и выпустили на волю под видом мутантов. Чтобы, значит, люди с поверхности с перепугу убирались поскорее. Нет, я ничего не говорю, мутантов тоже хватает, одни крысы чего стоят. Знаете, какие они у нас сейчас? Метровые зверюги, на поверхности

без оружия из дома носа не высунуть. Но мы с братом достаточно мотались по свету, чтобы понимать, что к чему. Правда, Старая Дама с нашей помощью тоже подготовила этим подонкам подарочек...

– Заткнись, – не переставая шарить глазами по сторонам, перебил его второй посланец.

– Он ее племянник!

– Все равно заткнись. Сама что надо скажет. И вообще, нам пора.

Незнакомцы церемонно распрощались и нырнули в толпу.

Картина, которую они нарисовали, неожиданно сильно взволновала Рекса. Очевидно, его привязанность к родным местам была значительно сильнее, чем он подозревал. Он представил себе титаническую и совершенно безнадежную борьбу, которую в одиночку вела сейчас тетушка чуть ли не со всей Империей, и собственные злоключения показались ему чем-то мелким, вздорным и даже несколько стыдным. Рекс вздохнул, поправил на плече ремень конвертора и направился к стоянке флаттеров. И тут же несколько невесть откуда взявшихся огромных парней со скучающим видом зашагали следом.

Рекс добавил хода. Парни тоже поднажали. На флаттерной стоянке они ловко оттеснили в сторону других пассажиров и молча пристроились за его спиной, явно намереваясь усесться с ним в одну машину... уверенные в себе крепкие парни с холодными глазами убийц.

В другое время Рекс, пожалуй, не отказался бы сыграть в их игру. Но у него на плече висел конвертор... с таинственной поломкой в котором еще предстояло разобраться, а вся эта возня вокруг отнюдь не располагала к благодушной доверчивости. Сам по себе конвертор не мог разрегулироваться, да еще так хитро, чтобы тестовые программы не сумели этого обнаружить. Поломка была делом рук человека, прекрасно знавшего его конструкцию, и – самое главное – имевшего к нему доступ. Диверсия была задумана и проделана блестяще, вины исполнителей в том, что Рекс все-таки уцелел, не было. Кроме того, в кармане Рекса лежало послание тетушки, причем настолько таинственное, что Старая Дама даже не решилась доверить его ни почте, ни фантом-контакту. Фантома, знаете ли, можно и перехватить.

Рекс подождал, пока откроются двери флаттера и, оттолкнув стоявшего рядом биопа, прыгнул на самодвижущийся тротуар.

Однако замешательство преследователей не длилось и нескольких мгновений, так что, пожалуй, одного профессионализма для такой реакции было мало. Среди преследователей были интуитивисты, а раз так, решил Рекс, уйти от них будет непросто. И вот теперь, после долгой упорной погони, он стоял у переднего выхода из вагона внутриярусного монорельса. Перед ним была закрытая дверь, а преследователи уже чуть ли не дышали в затылок. Шансов на спасение практически не было. Он прекрасно понимал, что, как только экспресс подойдет к остановке, с ним будет покончено. Уходить надо было немедленно, но как? Магистральные экспрессы управляются не собственными примитивными компьютерами, а весьма серьезными системами Центра перевозок.

Экспресс мчался по сельскохозяйственному уровню, отдельные гидропонные фермы которого на каждом этаже сообщались с транспортным тоннелем самодвижущимися тротуарами. Рекс знал, что на подходе к квартальной транспортной развязке вагон пройдет над тротуаром сто тридцать четвертого этажа, причем скорости вагона и самой быстрой тротуарной дорожки, в это время обычно пустынной, будут практически равны. Почти тотчас же вагон и тротуар стремительно разойдутся в разные стороны, но если бы ему удалось вовремя открыть двери, он мог попытаться выпрыгнуть наружу. При этом надо было точно попасть на середину дорожки, устоять на ногах и схватиться за центральный поручень. В противном случае инерция на повороте может его отбросить под монорельс или просто размазать о стену тоннеля.

Курсантом Рекс неоднократно проделывал этот трюк на пари, но всегда с открытой грузовой тележки. Тупо взломать двери вагона силой? Но они даже не имели ручек, за которые он мог бы ухватиться.

Преследователи были уже чуть ли не рядом, когда экспресс ворвался в шахту развязки. И тут вдоль позвоночника Рекса прокатилась волна тошнотворной тянущей боли – извечного проклятия оконтакторенных, и в то же время счастливого для них знака нового прорыва в интуитивизме. Боль отхлынула, и он вдруг провалился... растворился... в чем?..

Вокруг стремительно метались какие-то пятна – нет, не пятна, сущности тёмно-бордового цвета – не сплошные, но состоявшие из еще более подвижных спиралей, фигур, невысказанной сложности, сплетавшиеся друг с другом, перетекавшие друг в друга и плевавшие друг в друга яркими, стремительными искрами. Они составляли – на невысказанно короткое время – подвижные, как ртуть, кластеры и цепи, распались, сцеплялись в новых сюрреалистических сочетаниях, и все это происходило в полной тишине и абсолютной... нет, не темноте, черноте.

На мгновение его охватил невероятный, кошмарный в своей иррациональности ужас. Сознание странно раздвоилось. Ощущение было таким, будто какая-то часть его, истекая через кончики пальцев, вцепилась в хвостик такой цепи и, ломая сопротивление агрессивных, очень агрессивных кластеров, стремительно рванулась по ней вперед и внутрь сопротивляющейся черноты. Щелчок, повинувшись команде, двери перед ним распахнулись и...

Прямо против дверей вагона у центрального поручня дорожки он увидел вальяжно обосновавшийся патруль городской санации. Один из здоровенных биопов – полицейских лениво жевал жвачку, не удостоивая вниманием такую мелочь, как гидропонный экспресс, а второй, открывши в зевке рот, бессмысленно пялился на Азерски, будучи не в силах вот так сразу осознать всю возмутительность происходящего. Сзади чья-то рука схватила Рекса за плечо, он с силой рванулся и прыгнул вперед, буквально повиснув на шее зевавшего биопа.

С грохотом и ревом вагон рванулся в сторону от тротуара. Ударная волна, отраженная от зева тоннеля, непременно сбила бы Рекса с ног, если бы не существенная, хотя и пассивная помощь биопа, намертво вцепившегося в поручень. Прежде чем санаторы сумели прийти в себя, Рекс с криком: "Пардон, сэры, благодарю Вас, сэры", скользнул между ними и, прыгая с дорожки на дорожку, выскочил на неподвижную платформу.

3

Старая Дама озадаченно смотрела на экран компьютера. На экране бегущей радугой переливалось слово "Ждите". Компьютер молчал уже больше пятнадцати минут. Это было просто поразительно. Ну, в самом деле, что было такого уж особенного в ее вопросе? Она всего-навсего хотела узнать, почему, по законам Империи, фант может храниться в компьютере сколь угодно долго, а фантому разрешено функционировать не более девяти дней?

Раньше Старая Дама не слишком-то задумывалась о причинах этих запретов. Тем более что на поверхности лежало очевидное объяснение: длительное функционирование фантома привело бы к приобретению им самостоятельного опыта. В этом случае решения, принимаемые фантом и оригинальным сознанием по одному и тому же поводу, могли быть уже не адекватны. Между тем адекватность была принципиально важна, поскольку любые действия фантома юридически считались действиями самого человека.

Почему она задалась этим вопросом? Интуиция? В конце концов, в их семействе не только Малыш обладал так называемыми "особыми способностями". Она ожидала услышать что-нибудь вроде ссылки на постановление Совета Координаторов Империи, но компьютер молчал, и это затянувшееся молчание выглядело более чем странно.

– Эй, – не выдержала Старая Дама, – ты что это такой загадочный? Решил поиграть в Сфинкса?

"Минуточку", – пробормотал компьютер, и на экране снова замерцало радужное "Ждите". "Пора писать послание Малышу, раз уж обновление фанта я сделать не в состоянии, – уже в который раз сказала себе Старая Дама. – Ох, нарвусь! Умру ведь, и спросить ему будет не у кого".

Повинуясь приказу, сподвижники покинули Гнездо сразу же после сражения. Старая Дама была вконец обессилена прощанием. Она всегда считала себя человеком жестким и несентиментальным. Ей казалось, что она начисто лишена тех черт человеческой природы, которые вызывают любовь окружающих, и которыми в избытке обладал ее муж. Неподдельная любовь и даже обожание, выказанное этими суровыми людьми, потрясло ее до глубины души.

Конечно, не стоило подвергать людскую верность слишком уж большому искушению. Кто-нибудь мог и не выдержать. И все же Старой Даме было больно и стыдно лгать своим сподвижникам в лицо. Но, как бы то ни было, теперь она была готова во всеоружии встретить смерть. Она могла быть уверена, что будет считаться живой столько времени, сколько понадобится Малышу для вступления в наследство.

"Все файлы, относящиеся к Вашему вопросу, мадам, закодированы. Открыть их, не зная кода, не удастся", – произнес, наконец, компьютер.

"Что-то не похоже, чтобы, речь тут шла о юридических нормах", – подумала Старая Дама, и вдруг сказала, сама несказанно удивившись собственным словам:

– А ну-ка, поройся в истории медицины.

Самочувствие ее было омерзительным. Сердце билось неровно, с перебойми, от которых наступало помутнение в голове, и начинался мучительный кашель. Левое плечо онемело и, несмотря на жару в кабинете, сильно мерзли ноги.

"Вы правы, мадам, – сказал компьютер. – Я нашел несколько ссылок в научных трудах. Результат обескураживающий. После того, как в мозг человека сбрасывался фант, профункционировавший длительное время, человек, похоже, выходил из строя".

– Что?! Как это?

"Симптомы паранойи, мадам. И еще что-то вроде раздвоения личности. В одной из работ некий Кулакофф предполагает, что автономный фант, лишенный влияния органов чувств, воспринимает программную начинку компьютера как собственное подсознание со всеми отсюда

вытекающими печальными последствиями. А то и начинает вообще избавляться от всего человеческого. За невостробованностью. Но данных слишком мало для квалифицированного заключения. Работа очень старая, мадам, а о Кулакоффе говорится, что он студент академии при Корпусе Пространства".

– Ну, так и... что из этой работы следует?

"Я так понял, что поврежденный фант может повредить человеческий мозг, мадам".

В висках Старой Дамы болезненно пульсировала кровь. Перед глазами стояла мутная пелена, и даже стены кабинета виделись ей сквозь какой-то серый туман. "Девять дней, – сказала себе Старая Дама, – надо дать компьютеру распоряжение вести строжайший учет времени функционирования фантома. Не хватало только наградить Малыша паранойей. Паранойя – это серьезно".

Однако перед тем, как начать выполнять намеченное, Старой Даме почему то показалось очень важным удалить из компьютера малейшие указания на историю своей болезни. Конечно, эти файлы памяти были защищены ее личным кодом, но, решила Старая Дама, береженого и Звезды берегут.

Стирать предстояло многое, так что для ускорения работы она вывела все необходимые команды на так называемую "горячую клавишу". Теперь для уничтожения малейших следов того, что не должно было сохраниться в памяти компьютера, достаточно было ткнуть в нее пальцем.

"Вы хотите удалить из памяти все, что касается вашей болезни, мадам?" – спросил компьютер. "Не задавай лишних вопросов, – сварливо ответила Старая Дама. – И вообще, почему ты говоришь, если я отдаю команду с клавиатуры? У стен могут быть уши".

Компьютер озадаченно нарисовал на экране монитора большой знак вопроса, будучи, видимо, не в силах переварить информацию об ушах у стен. Потом знак вопроса с обиженным писком сменила надпись: "Но этот вопрос совсем не лишний, мадам. Он оберегает от ошибки". "Ты когда-нибудь видел, чтобы я по-крупному ошибалась?" – написала Старая Дама. "Нет, мадам, но..." "У меня нет времени препираться, – сказала Старая Дама нетерпеливо. – Впредь выполняй мои распоряжения, не прибегая к контрольным проверкам". "Слушаюсь", – ответил компьютер, также немедленно переходя на голос.

Экран монитора очистился. К сожалению, Старая Дама не могла предвидеть всей тяжести последствий, к которым приведет только что отданный ею приказ.

– Да, вот еще что, я совсем забыла, – сказала Старая Дама, с раздражением массируя виски. – Девять суток. Это что, предельный срок?

"Нет, – немедленно отозвался компьютер, – судя по всему, процессы в фанте начинаются на девятые сутки автономии и заканчиваются к сорока. И еще. У интуитивистов в сферу сознательного частично вовлекаются области, у обычных людей относящиеся к бессознательному. Надо ожидать, что фантом инта может функционировать без повреждения дольше, чем фантом обычного человека".

Старая Дама пришла в восхищение.

– Но я тоже интуитивистка! И довольно сильная, хотя и понятия не имею, почему.

"Следствие иглоукалывания, мадам".

– Что- что?

"Вы помните, мадам, как господин комт, ваш супруг, и Малыш хотели наладить симбиоз с компьютером без височных контакторов? Ваш супруг тогда из-под полы приобрел множество обучающих и просто научных программ из исследовательского биоцентра, где создавались контакторы. У него была идея вводить информацию через акупунктурные точки на теле человека. Они с Малышом подсоединили сенсоры компьютера к иглам, тайком от Вас втыкали их в нервные окончания на своих телах и прокручивали через компьютер записи. По-моему, Вы знали об этом. Потому что вскоре стали делать то же самое".

Конечно, она все знала. Каждый день, напустив на себя абсолютно несвойственный им обоим постный вид, супруг с Малышом отправлялись гулять. Старая Дама проследила за ними и обнаружила настоящую лабораторию в пещере, вырытой рекой Пульсаркой у подножья Ошбы – вершины, господствующей над окрестностью. Естественно, Старая Дама нашла пещеру устройствами, позволившими ей не выпускать ситуацию из-под контроля.

"Я полагаю, что шестое и все прочие чувства развились во всех вас в результате этих экспериментов. Пороги восприятия при таком способе подключения, как оказалось, снижаются гораздо кардинальнее, чем при подключении через компьютер. Информация начинает просто захлестывать мозг, и он, чтобы справиться с информационным потоком, включает в активную работу все больше и больше своих резервных участков. Вы же знаете, мадам, что у обычного человека задействован лишь ничтожный процент нейронов. Идея оказалась достаточно плодотворной... к сожалению, только для Малыша, господину комту эта затея тогда не удалась. А в господине Рексе, похоже, заработали механизмы регенеративного типа, отброшенные в процессе эволюции еще высшими пресмыкающимися. А может быть, проявились даже и не использованные природой возможности. Мадам, Вы заметили, как быстро все на Малыше стало с тех пор заживать?"

Да, – думала Старая Дама, – разумеется, я все это знала и все заметила. Я делала то же самое потому, что боялась за Малыша. Я хотела заранее знать обо всех возможных последствиях. Я думала, что на мне, человеке немолодом и слабом, все неприятные последствия можно будет заметить раньше, чем на мальчишке. Кто мог ожидать, что он в результате превратится чуть ли не в сверхчеловека, а я в одну большую раковую опухоль. Хотела знать... вот и узнала.

– Хватит болтать, резко сказала она и оглянулась на дверь, возле которой ей почудилось какое-то движение. Сгустившиеся в углах кабинета тени мешали ей рассмотреть притаившихся врагов. Она оперлась о ручки кресла и с трудом встала на ноги. Ноги дрожали и отказывались повиноваться. "Да что это я, в самом деле, – сказала она себе, – откуда тут взяться врагам?"

Голову Старой Дамы сжимал обруч лютой боли. Она снова плюхнулась в кресло перед компьютером. Ей оставалось сделать еще одно дело, после которого можно будет считать заверченным свой жизненный путь, – оставить племяннику послание на случай своей смерти. Малыш должен быть в курсе всего, что ею сделано с момента последней записи фанга, и чего, следовательно, ее нынешний фантом знать не сможет. Превозмогая боль, Старая Дама придвинула к себе клавиатуру компьютера.

Могучая память и четкое логическое мышление всегда были сильной стороной личности Старой Дамы. За всю свою жизнь она ни разу ничего не забыла. Это составляло предмет ее особой гордости. Правда, существовало некое человеческое свойство, к которому она всегда выказывала пренебрежение, но по которому тайно вздыхала. Старая Дама считала себя начисто лишенной чувства юмора.

Последовательно и очень точно она описала положение на планете, присоединив к описанию краткие характеристики основных своих противников в Совете, а также возможных союзников и попутчиков. Затем изложила в деталях планы обороны и все те действия, которые предприняла с момента последней записи фанга, особенно полно остановившись на задуманной ею диверсии против Города, и на сформированном в нем подполье.

Конец послания давался Старой Даме с большим трудом. На нее навалилась безмерная усталость. Мысли снова начали путаться и терять обычную четкость. Ей приходилось то и дело возвращаться к ранее написанному, что-то править, вписывать, стирать. В памяти назойливо всплывали обрывки воспоминаний, все они были связаны с Малышом: его болезни, его проказы... Воспоминания были ей милы и дороги, но очень уж сейчас неуместны. Старая Дама чудовищным напряжением воли взяла себя в руки и закончила послание следующей фразой.

"Ты предпочел мне этого безответственного субъекта, своего дядю, маленький негодяй, а я так тебя любила".

Старая Дама хотела повторить эту фразу портрету, однако над компьютером в портретной нише она увидела лишь сгусток серого тумана. Старая Дама напрягла зрение, туман стал конденсироваться в бородастое лицо со знакомой сардонической ухмылкой. "Кто подменил мне портрет?" – подумала Старая Дама, хотя ответ был ей заранее известен. "Нет, – свирепо сказала она мужу, – ты отнял у меня Рекса, ты украл портрет, но виси на своем месте в зале приемов, я не потерплю, чтобы ты висел и здесь над моим компьютером вместо него. Она привстала с кресла и потянулась руками к нише, но руки почему-то плюхнулись на клавиатуру, точнехонько угодив в клавишу стирания записи. Комната в глазах у Старой Дамы завертелась, превращаясь в темный сужающийся кверху тоннель, в самом конце которого пульсировал теплый белый огонек. Стены тоннеля стремительно вращались вокруг нее и уносились вниз. Ей казалось, что все ее тело распадается на мелкие кусочки, и эти кусочки уносятся вместе со стенами, высвобождая стремящийся к свету дух. Светлое пятно было все ближе, ближе, она с удивлением увидела, что пятно это не чистый Свет, как ей казалось раньше, а вращающаяся световая спираль, разделенная темными полосам наподобие галактики. Наконец, стены тоннеля исчезли, спираль ринулась к ней с немыслимой скоростью, охватила, закрутила, и на нее навалилась тьма.

Старая Дама сидела в кресле, уронив руки вдоль тела, и смотрела остекленевшими глазами на абсолютно чистый экран компьютера.

Прошло несколько мгновений, и по экрану медленно поползли разноцветные полосы. Сменяя друг друга, проскочило несколько картинок и появилась мерцающая надпись: "Фантом?", под которой возникли три клеточки с надписями: "Да", "Нет" и "Действие по умолчанию". Курсор – световой зайчик – бился в клеточке "Да". Прошло еще несколько мгновений, и он перескочил вначале на надпись "Нет", потом в клеточку "Действие по умолчанию". После чего экран отключился.

Дом продолжал жить своей собственной жизнью. На экране планетарной связи возник сигнал внешнего вызова, и тотчас в кабинете послышались какие-то тихие шорохи, позвякивание металла. Сигнал вызова перескочил с экрана планетарной связи на экран компьютера, стремительно забился в нем и вдруг исчез, после чего спирали и полосы забегали с удвоенной энергией.

На стоявшем в углу четырехугольном пластиковом баке неожиданно отскочила крышка. Бак выехал на середину кабинета и в мгновение ока оказался опутан шлангами, кабелями и странной формы излучателями. Все это мигало разноцветными огоньками и тихо пищало на разные голоса. Затем огоньки погасли, шланги, кабели и излучатели отвалились от бака, пропали в люках, открывшихся в полу кабинета, а над баком вспух и закачался большой коричневый пузырь.

По пузырю медленно ползли блики света, оставляя за собой разноцветные пятна. Пузырь менял форму, цвет, постепенно обретая очертания человеческой фигуры. Прошло несколько минут, и с бака осторожно спустилась Старая Дама.

Осмотревшись, она подошла к креслу и долго вглядывалась в свое собственное мертвое лицо. Потом подняла руку и закрыла труп глаза.

"Мадам, Гнездо пусто. Людей нет, – сказал компьютер. – На экране планетарной связи господин Координатор Старкофф.

– Пусть убирается к черту, – ответила Старая Дама равнодушно.

"Но он настаивает на контакте", – почтительно возразил компьютер.

– Я что, не ясно выразилась? – сказала Старая Дама железным голосом. – Если я не отвечаю на сигнал, значит, я не желаю его видеть.

"Он готов на аудио-контакт, у него предложение..."

– Я сказала, к черту. Я не желаю ни видеть, ни слышать этого мерзавца. К черту его вместе с предложениями... Он слышит наш разговор?

“Да”.

– Вот и прекрасно. К черту.

Компьютер отключился.

Старая Дама еще раз посмотрела на труп, распростертый в кресле. "Хоронить саму себя... ужас! Почему я до сих пор не бьюсь в истерике? Я умерла, это прискорбный факт, от которого не спрячешься. Не-ет, я определенно должна была бы биться в истерике". Она поглядела на пустой экран монитора. "А где послание? Я же не имею представления, что делала последнее время. Не успела записать? Ну и положение... Буду надеяться, что Малыш разберется как-нибудь во всех этих делах... Если приедет, разумеется".

4

Уносимые тротуаром прочь, биопы что-то яростно вопили в портативные рации. Рекс послал им воздушный поцелуй и повернулся, выглядывая коридор, ведущий к межуровневым лифтам. И тут до его слуха донеслось отдаленное эхо полицейских сирен.

Нарушение закона, пусть даже отягощенное оскорблением лучших чувств санации, само по себе его нисколько не смущало. И дело было вовсе не в вечных трениях между службами санации и Корпусом. И даже не в том, что существование людей, подобно ему от природы щедро одаренных ростом и физической мощью, биопами воспринималось как личное оскорбление. Просто он давным-давно взял себе за правило соблюдать законы общества, в котором жил, лишь до тех пор, пока эти законы ему не мешали. Но вот уж если Рексу сейчас чего и не хватало для полноты удовольствия, так это только полицейской погони.

Вой сирен быстро приближался, и Рекс вдруг ощутил тревожное чувство стремительно нарастающей угрозы. Давление шло снаружи, и, несмотря на все его усилия остаться закрытым, эмоциональный напор был настолько велик, что тревога врывается внутрь, сминая сопротивление защиты. Это было непонятно, поскольку никак не соответствовало масштабам видимой опасности.

Сирены выли уже чуть ли не рядом. Садиться здесь в лифт явно не следовало. Полиция могла проследить его путь и перехватить по дороге задолго до нужной ему четырнадцатой станции восьмого уровня. Надо было немедленно уходить по самоходам на несколько этажей вниз и горизонтальным транспортом в сторону, к межуровневым лифтам любого другого шахт-квартила. А там пусть кто-нибудь попробует его поймать.

Рекс перешел с бега на шаг и свернул в межэтажный эскалаторный штрек. Эскалаторы были свободны, но едва он ступил на движущуюся дорожку, как все они вдруг остановились. Внизу, будто конвертировавшись, разом материализовалось множество людей в униформе, принявшихся торопливо перекрывать запорными решетками выход из штольни. Вручную!.. ну, да, конечно, на кой черт строители стали бы предусматривать тут автоматику?.. Откуда-то сверху доносился быстро приближающийся шум, крики, звон разбиваемых стекол, и было, конечно же, не похоже, чтобы весь этот кавардак имел отношение лишь к одному, пусть даже чрезмерно шустрому пространщику.

Сирены выли уже сразу со всех сторон, сверху, снизу. Немногочисленные прохожие разбегались кто куда. Из-за угла высунулся мозгляк в униформе и закричал, маша на Азерски шуплыми лапками:

– Уходите, эй-вы-там, черт вас возьми совсем, уберите отсюда!

Погоняемый его воплями, Рекс повернул назад к отсеку межуровневых лифтов, на ходу доставая кредитную карточку. Шум наверху стремительно нарастал, переходя в дикий оглушительный рев. И когда часть стены отъехала в сторону, освобождая Рексу вход в вестибюль отсека, с эскалаторных спусков, сметая все на своем пути, хлынула огромная толпа возбужденной молодежи.

Стена за его спиной бесшумно встала на место, резко ослабив шум и как бы переместив все безобразия в другое измерение. Рекс, стараясь шагать медленно и спокойно, прошел вперед. Хотя санации было явно не до него, ему все же следовало бы, наверное, немного покататься просто из конспиративных соображений. Но время поджимало. Все надежды на обустройство личных дел приходилось оставить до лучших времен.

В ожидании лифта томилось несколько представителей местной элиты. Ближе всего к лифтовым дверям стояла жеманная дама, насмерть вцепившаяся в локоть супруга, низенького и толстенького человечка с незначительным лицом. Голова человечка была украшена огромной плешью и височными контакторами из нержавеющей стали, по состоянию поверхности

которых было видно, что ими пользуются достаточно усердно. В почтительном – на шагок – отдалении от супругов стояли три не оконтакторенных, но облаченных в белые рубашки индивидуума, расточавших массу внимания своей спутнице – типичной горожанке, чахлой, жидковолосой и бесцветной, как моль.

– Не скажете ли, сударь мой, что это за шум? – обратилась жеманная дама к Рексу.

– Беспорядки на эскалаторах, – отрывисто ответил Рекс, невольно косясь на вход.

– Боже мой! – воскликнула дама, закатывая глаза. – Опять топалят проклятые люмпы!

Рекс недоуменно поднял бровь.

– Как, Вы ничего не знаете? – возбужденно затарахтела дама. – Эта зараза докатилась уже и до нас. Люмпы объединяются в жуткие шайки и по бесплатным эскалаторам устремляются вниз на приличные этажи, да-да. У них это называется "топарить". Нет, если бы безработные смотрели на жизнь внизу с целью, так сказать, для примера и подражания, тогда, ну... я не знаю. Так ведь они все крушат! Все ломают! В прошлом месяце одна такая шайка дорвалась до сектора развлечений. Бедный наш гидропонный Бродвей! Они его разнесли вдребезги. Буквально весь сектор пришлось закрыть на ремонт. Культари до сих пор не могут опомниться от ужаса... Ну что ты все время толкаешься? – повернулась она к мужу. Тот, красный и перепуганный, сделал большие глаза и шепнул ей что-то на ухо. У дамы явственно перехватило дыхание.

– Ох, простите, – забормотала она, не в силах оторвать внезапно остекленевших глаз от золотых контакторов на висках Рекса. – Я... я... я не видела... я...

Девица и белые воротнички ухмылялись с откровенным злорадством. Вот сейчас, вот сию минуту их высокопоставленных и даже оконтакторенных компатриотов начнут, фигурально выражаясь, возить мордами о стены. На потное перепуганное лицо толстяка было просто жалко смотреть. Рекс представил себе, какой ужас царит сейчас в душах супругов, и ему стало стыдно. Он повернулся к агонизирующей даме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.